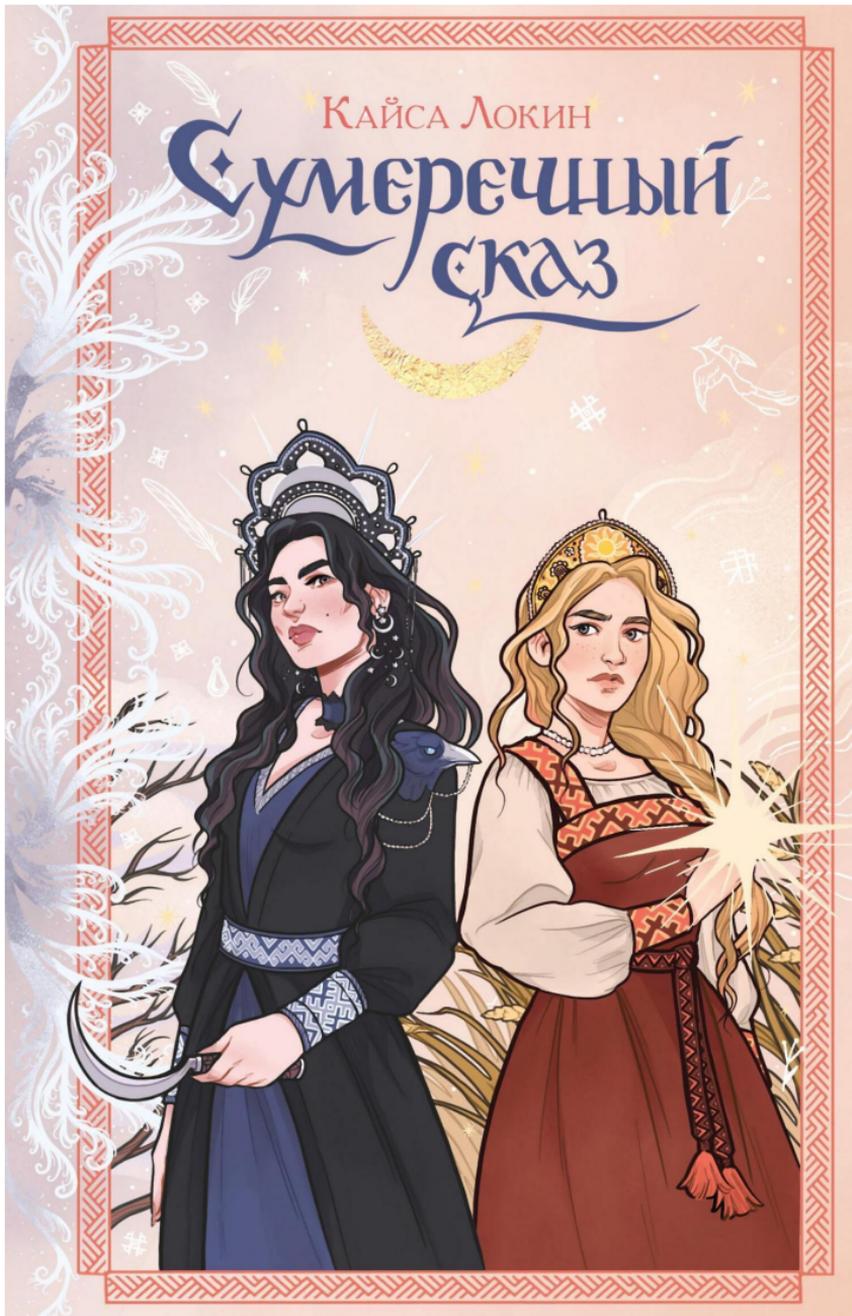

Кайса Локин

Сумеречный сказ

Кайса Локин
Сумеречный сказ
Серия «Young Adult. Молодежное
руссийское фэнтэзи»

indd предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67299914

SelfPub;

ISBN 978-5-04-184840-8

Аннотация

Мир всегда был разделен на три части. Навь – царство вечного холода и мрака, владения великой Мары. Правь — земли долгого лета и света, сторона всех героев и богов. Явь – обитель людей и животных, в которую иногда проникают неожиданные гости. Так было всегда, пока однажды не случилась беда. Исправить положение предстоит двум оборотням – Баюну и Рогнеде, вурдалаку Казимиру и чернокнижнице Марье Моревне. Странствие по трем мирам и встречи со старыми знакомыми из сказок – все это ждет там, за углом, стоит лишь сделать первый шаг.

Содержание

Пролог	6
Навь	9
Серый волк	16
Змей Горыныч	39
Русалка	73
Баба-Яга	105
Конец ознакомительного фрагмента.	132

Кайса Локин

Сумеречный сказ

Иллюстрация на обложке Вельги Северной
Карты на форзацах созданы Марией Самариной
Художественное оформление Марии Кияниченко

© Кайса Локин, 2023

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

* * *

Пролог

«Темная дорожка стелется, стелется да в лес сумрачный все дальше уводит. Мимо ухабов, оврагов и пней вьется змейкой тропа. Через топи болотные и бурелом непроглядный насквозь проходит она. Звезд не видно на небе высоком, лунный свет не касается плеча. Глаз не примечает худого огня, лишь темень обрамляет одна. Страх лютый голову кружит, с толку сбивает юнца.

А под ногами все дальше вьется тропа. В Навь она лукаво заводит глупца. Там, в землях угрюмых, Хозяйка Зимы обитает – Мораной себя величает. Подвластны ей жизни людские: нити судьбы лихо прядет и смерть с собою всюду несет.

Древний лес земли Нави надежно скрывает, обитателей дивных оберегает. Как только мост Калинов герой перейдет, так и позабудет дорогу домой. Змий Трехглавый не пропустит назад – погибель настанет тотчас. Вороном черным Кощей свысока наблюдает, в болотах Баба-Яга поджидает. Только вера, надежда и лучик любви способны героя из Нави спасти.

Ежели в Явь возвратится удалец, то изумится знатно.

Взор разглядит мавок игривых, что меж деревьев проворно мелькают. Всюду ведьмы и оборотни под руку гуляют и себя при луне не скрывают. Скалится в тусклом углу упырь красноглазый, в тиши поджидает злодей окаянный. В доме каждом духи обитают и от зла порой защищают. Диву дается молодец: как раньше не заметил этих чудес? За обитателями Яви последует он и камень-указатель быстро найдет. «Налево пойдешь – в Зиму попадешь, направо – кругом домой возвратишься, а прямо шагнешь – так в Правь авось заглянешь».

Не думая долго, пускается герой в путь непростой по дорожке прямой – к великим и светлым, в край вечного лета. Золотом и блеском Правь гостей встречает, но назад, увы, не пускает. То мир высших и сильных, славных и честных. Герои одни подле богов обитают, век бесконечный коротают и людям порой помогают. Дева-Весна, Леля-краса, с любовью каждого в объятия свои принимает. Волшебники добрые, птицы чудные, звери игривые – всем край сей полнится.

Изумляется герой и тут же все понимает: дорога жизни его по трем мирам мягко провела и на покой теперь обрекла.

Вечность отныне – подруга удальца. Решается тогда герой поведать историю о единых трех сторонах. Рассказать о стражах угрюмых, о ведьмах коварных, о злодеях проклятых и о том, как яд во всякое сердце порой проникает. Поведать предание о тех, кого плохими величают, а они добрые дела совершают.

Так ступай же, читатель, в путешествие странное, местами опасное, а иногда и забавное. Пройди ты путь от земель холодных до краев теплых, познакомься с героями и узнай, как иногда миры соединяются. Смелей, мой друг, смелей...»

*Из сказок Кощеевых,
написанных для Марьи Моревны и всех,
кто желает мудрость познать.*

Навъ

Нәрсә

Дом Рогнеды, Сумрачный лес, Навь

Две девушки сидели на поваленном дереве возле реки Смородинки, пока на небе сгущались темные тучи. От воды веяло загробным холодом, вновь разбушевался ветер, но подруги не обращали внимания на непогоду – привыкли к природным метаниям Нави. Дождь сменялся снегопадом, мороз изгонял туман, а на голых ветвях деревьев неожиданно появлялись желтые и коричневые листья. В воздухе ощущалась поздняя осень, в некоторых местах Нави и вовсе царствовала вечная стужа и лежали высокие сугробы. Ожидать здесь тепла – пустые надежды.

– Забава, ты точно уверена? – Рогнеда посмотрела на зажатую в руке фотографию симпатичного молодого мужчины. Она уже полчаса разглядывала ее, пытаясь собраться с мыслями и унять все сомнения.

– Я тебя когда-нибудь обманывала? – Мавка насупилась и отвернулась, опуская босые ноги в студеную воду. Расписной подол ее сарафана тут же намок, но мертвых не тревожит холод. – Отчего такое недоверие, Рогни?

Услышав прозвище, Рогнеда дернулась и отвесила подзатыльник младшей.

– Не называй меня так, – прошипела она, во взгляде ее ярко-зеленых глаз читался гнев. – Просто не хочется подставляться. Вдруг на самом деле этот Виктор хороший?

Забава прищурилась, пристально всматриваясь в бледное лицо подруги, и обиженно поджала губы.

– Я хоть раз ошибалась? – Рогнеда покачала головой. – То-то и оно! Значит, и сейчас у тебя не должно быть повода для сомнений.

– Просто он непохож на браконьера...

– Трусиха, трусиха, – противно захихикала Забава, показывая язык, за что тут же получила еще один подзатыльник. – Если боишься, так и скажи.

– Ничего я не боюсь! – воскликнула Рогнеда, спрятав фотографию в карман и плотнее запахивая длинный серый плащ.

Она переживала и не хотела рисковать напрасно. Обычно Рогнеда сама становилась свидетельницей браконьерства и точно знала, кто злодей, но сейчас была вынуждена довериться мавке.

– Повторяю, кажется, уже в сотый раз, – начала Забава, поджимая ноги к груди, – плохой он, этот Виктор. Ставил капканы и зайцев ловил, по лисам стрелял, выискивал медвежью берлогу. Разве этого мало? Какого у него только оружия нет! Уж поверь, но я видела, на что он способен. Не виновата же я, что он тебе на глаза не попадался ни разу. Может быть, стоило почаще к нам в гости заглядывать, а не здесь ходить без дела? А вообще, не хочешь – не надо. У старших покровителей помощи попрошу – они уж точно меня не бросят в беде. Но только именно ты поклялась, что бу-

десь оберегать слабых, а теперь трусишь и от обязанностей своих сбегаешь!

Высокомерно посмотрев на подругу, Забава вскочила и понуро поплелась вдоль берега. Ее не волновал ни пробирающий до костей ветер, ни стелющийся по земле колдовской туман – она просто пошла вдоль берега, надеясь, что Рогнеда все же одумается и догонит.

Тяжело вздохнув, Рогнеда посмотрела вслед удаляющейся мавке с зеленоватыми волосами, среди которых виднелись незабудки. Забава прекрасно знала, как манипулировать подругой. Жажда приключений и любопытная натура подначивали Рогнеду броситься за мавкой и выполнить давнее обещание, ставшее предназначением. Сначала стоило бы спросить совета у мудрых покровителей Нави, ведь раньше все действия Рогнеды одобрялись и контролировались Мораной. Однако это не первый браконьер, с которым Рогнеде придется разобраться. Главное – не оставить улики и не вызвать гнева Хозяйки Зимы. Рогнеда покачала головой: она справится и заодно докажет всем, что уже самостоятельная и более не нуждается в опеке.

Спрятав кончик носа в шарф, Рогнеда все-таки догнала Забаву у мерцающего портала, который мавка уже начала плести.

– Ладно, уговорила, – пробормотала Рогнеда. – Рассказывай, что вы придумали с сестрами.

Забава вместе с другими мавками обитала подле пруда,

находящегося в глубине леса в мире людей. Темный бор растянулся на другом, заколдованном, берегу Смородинки и принадлежал Сосновцу – древнему лешему, который всегда с радостью встречал Рогнеду, хоть и не жаловал всех остальных обитателей Нави. Лишиться его поддержки и позволить охотнику причинять вред живому Рогнеда не могла: совесть не позволяла.

Забава, добившись своего, лукаво усмехнулась и принялась радостно щебетать:

– Сходи с Виктором на прогулку, а там – клац! И нет больше нашего славного паренька, а лес в безопасности. Только сначала надо с Витей поболтать, втереться в доверие и создать должное впечатление. Ну, ты понимаешь.

– И какое же, например? – Рогнеда скрестила руки на груди, глядя исподлобья.

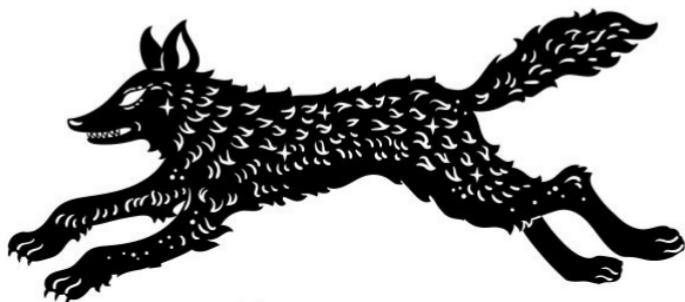
Потерев подбородок, будто разгадывала великую тайну, Забава поучительно произнесла:

– Постарайся казаться милой и не перевоплощайся раньше времени, а все остальное – уже не моя забота, – и тут же скрылась в едва видимой завесе между мирами.

Вдали послышался раскат грома, первые капли дождя упали на пожухлую траву, ветер поднял хоровод разноцветных листьев, пока Рогнеда стояла, пытаясь придумать план. Одно дело – испугать и проучить непутевого, совсем иное – избавиться от него навсегда. Тряхнув головой, Рогнеда вздохнула: похоже, она вновь попала в неприятности.

Серый волк

СЕРЫЙ
ВОЛК

*«Душа твоя чиста – за это дар положен спошна.
Но помни: защита невинных – отныне забота твоя.
Леса от напастей оберегай, зверье в обиду никогда
не давай».*

Из наставлений Дубровца Рогнеде

Лес Сосновца, Явь

– Поверить не могу, что ты интересуешься походами и гуляешь по лесу вот так просто. Весьма необычные увлечения для юной девушки, – удивился Виктор.

– Это еще почему? – удивилась Рогнеда, смеря его взглядом. – Что такого необычного в том, что мне нравится природа и я не упускаю шанса побывать вдали от цивилизации?

Видя растерявшегося Витю, Рогнеда едва сдерживалась, чтобы не закатить глаза в очередной раз и не разобраться с ним на месте.

– Это удивительно. Никогда прежде не встречал и не общался с такими девушками, – оправдывался он, виновато улыбаясь.

– Спасибо, сочту за комплимент, – сказала Рогнеда, проходя вперед с корзинкой в руках.

– Просто когда ты написала про свидание на природе, я представлял себе миленький пикник на поляне или берегу озера, но это, – Виктор развел руками, словно пытался обнять округу, – превосходит все ожидания.

Рогнеда, скрипя зубами, натянуто улыбнулась, проклиная сегодняшний день в сотый раз. Ей претило так притворяться и расплыться перед Виктором, который раздражал с каждой минутой все сильнее и сильнее.

С самого начала Рогнеде не нравился план: гораздо проще было бы подождать и поймать мужчину на преступлении, однако Забава настояла на своем. Она заверяла, что с наступлением холодов Виктор оставит охоту до весны, а позже переберется в другой лес, продолжая безнаказанно браконьерствовать. Будут ли там существа, которым не все равно на происходящее, – неизвестно, поэтому Забава уговаривала подругу вмешаться.

Рогнеда, поддавшись на ласковые и убедительные речи, решила разобраться с Виктором как можно скорее и желательно без кровопролития. Подобные меры явно не понравились бы богине Моране, ведь она отслеживала судьбы каждого человека и существа и не терпела случайных жертв.

Рогнеда не раз запугивала охотников вместе с мавками: заводила звероловов в глубь чащи и порой даже перевоплощалась, пока пронырливые и юркие духи девушек насылали галлюцинации на жертв. В страхе люди бежали прочь, не рискуя возвращаться.

Так Рогнеда решила поступить и в этот раз. По напутствию мавок создала профиль в социальных сетях, нашла Витю и представилась обыкновенной девушкой, начав безобидную переписку. О первом свидании договорились че-

рез несколько дней, и молодой мужчина сразу не понравился Рогнеде. Он показался ей чересчур обходительным, двуличным и слишком уж настырным. Однако все намеки Рогнеды и разговоры про охоту оставались словно незамеченными, поэтому она стала сомневаться в браконьерстве Виктора. Поделившись мыслями с Забавой, которая опять удумала сказываться обиженной, Рогнеда решила на отчаянный шаг: на очередном свидании отвести Витю в тот самый бор, где он злодействовал, и присмотреться к его поведению.

Теперь они бродили на свежем воздухе около двух часов, в течение которых слова мавок все же подтвердились. Виктор ступал очень тихо, легко определял направление пути, замечал едва видимые тропинки и следы зверей. Когда мужчина запросто распознал ловушку, которую мог поставить только опытный охотник, Рогнеда окончательно поверила Забаве. Внутри ее тут же разгорелась лютая неприязнь, граничащая с ненавистью, а желание расправиться с ним усиливалось, но нужно было выждать определенного момента.

– Кстати, ты так и не рассказала, откуда так хорошо знаешь эти места, – проговорил Витя, поддевая носом ботинка кучу опавших листьев. Он внимательно посмотрел на Рогнеду, улыбаясь, хоть глаза и оставались холодными. – Может, расскажешь?

Она замерла: простой вопрос поднял в ее душе ворох тягостных воспоминаний, все еще отзывающихся щемящей болью в груди.

Рогнеда родилась очень давно: в середине семнадцатого века. Она рано осталась сиротой и жила в ветхой избушке на краю деревни.

Родительское хозяйство было бедным: немолодая корова, три козы, скудный огород на худой земле и обветшалая печка. «Заботливые» соседки настойчиво уговаривали девчущку избавиться от скотины, чтобы выручить пару монет, но Рогнеда никого не слушала. Она слишком сильно привязалась к животным, цеплялась за них, словно они могли вернуть ей счастливые моменты, когда родители еще были живы. Поэтому поклялась, что ни один нож не тронет ее зверей.

Она жила дикаркой в худой лачужке, но зато в окружении пушистых и пернатых друзей. Рогнеда старалась всячески заботиться о них: обрабатывала раны, подкармливала каждого, выхаживала брошенных и больных. А те в награду приносили ей гостинцы: ягоды, коренья, грибы и цветы, точно в сказке. Так Рогнеда и дальше жила бы в одиночестве и покое, но приключилось несчастье, навсегда изменившее ее.

Однажды, бродя по лесу, ставшему ей вторым домом, в поиске грибов, Рогнеда увидела, как сосед-душегуб и его дружки решили известить маленьких лисят, что жались к умирающей матери. В душе девицы пробудился настоящий гнев, толкнувший на необдуманный шаг. Она подкралась к мужикам, притаившимся в засаде, и швырнула в них шишку. От этой выходки лисята испугались и тут же умчались, мелькая рыжими хвостами. Но пока Рогнеда счастливо смотрела им

вслед, мужики быстро поняли, что случилось и кто виноват. Они стали медленно окружать «дикарку», но Рогнеда успела их заметить и подскочила, встретившись взглядом с недругами, они ухмылялись. Страх заставил ее мгновенно рвануть с места в темную чащу. Она бежала, не разбирая троп и ориентиров, перепрыгивала через коряги и кочки, но охотники не думали отставать. Они гадко потешались, заставляя Рогнеду двигаться быстрее. Отчаяние дурманило голову, удары сердца отдавались в ушах, а злые голоса слышались прямо за спиной. Из последних сил Рогнеда добежала до густых зарослей кустарника и притаилась там, шепча молитву лешему.

– Эй, земля! Прием, как слышно, прием? – Голос Виктора вывел из нахлынувших воспоминаний. – Ты чего застыла-то?

– А? – Рогнеда ошарашенно посмотрела по сторонам, сбрасывая морок, и, окончательно придя в себя, кивнула: – Все нормально. – Отряхнув куртку от невидимой пыли и поправив шапку, зашагала глубже в чащу.

Много лет Рогнеда не вспоминала прошлое, предпочитая забыть его как страшный сон, а тут внезапный вопрос пробудил давние переживания и страхи. С тех пор она стала сильнее, умнее и хитрее. «Никто и никогда не сможет меня больше застать врасплох», – любила повторять самой себе.

Виктор бросил на нее обеспокоенный взгляд, но смолчал – ссориться с чудной особой не хотелось. Конечно, он совсем

иначе представлял их пятое свидание, но раз уж сказал, что выбор места за дамой, то нужно держать слово. По этой причине и приходилось покорно брести следом и собирать грибы.

– Так что расскажешь-то? Откуда про лес прознала? – Витя наклонился за лисичками и бросил их в корзинку. – Только не говори, что бываешь тут каждые выходные, – попытался безуспешно пошутить мужчина.

– Мой дед был здесь лесничим, – протараторила Рогнеда заученную по наставлению мавок легенду. – Он таскал меня с собой повсюду. Так что не бойся, дорогу назад быстро найду. – Взглянула на вечернее небо. – Выведу отсюда – еще сумерки вершин не коснутся.

– Иногда ты разговариваешь странно, по-старинному, что ли, – заметил Виктор, вертя в руках поганку.

– Уж извини, как умею, так и разговариваю, – огрызнулась Рогнеда.

Колючий, подобно морозу в ясный день, взгляд заставил мужчину тут же замяться.

– Прости, – виновато протянул он, отбрасывая находку. – Простое наблюдение, не хотел обидеть.

Махнув рукой, Рогнеда срезала масленок и, положив его в корзину, двинулась дальше, обходя деревья и пни.

Мужчина шел за ней по пятам, не желая упускать из виду. Рогнеда ступала уверенно и тихо: не реагировала на скрежет ветвей в вышине и словно совсем не боялась отдаленных

переговоров диких животных. Смутная тревога душила Витю, но он упорно пытался отогнать дурные мысли и казаться предельно расслабленным и довольным. Подозрение, что Рогнеда – опытная охотница, не отпускало с самого начала: уж больно легко она распознавала ловушки, оставленные его умелой рукой, а легкая поступь только усиливала впечатление. Однако спрашивать он не стал: решил просто наблюдать и притворяться глупым малым, ожидая, пока девушка проявит свои таланты сама.

Спустя несколько минут впереди мелькнула яркая коричневая шляпка гриба, и в раздумьях Виктор наклонился за находкой, особо не разглядывая.

– Не трогай! – вдруг завопила Рогнеда. – Ты совсем не разбираешься, что ли? Это же сатанинский, им отравиться можно. Если не знаешь, так спроси. Еще бы попробовал, вот было бы веселье, – процедила она, исподлобья глядя на спутника.

– Гриб как гриб. – Виктор пожал плечами, отряхивая руки. – Ты похожие срывала. Думал, что это такие же.

– Думал он, как же, – процедила Рогнеда и отвернулась.

– Ну прости. – Виктор осторожно положил ладонь ей на плечо. – Я действительно не разбираюсь в грибах, но мне повезло, что рядом оказалась такая прекрасная, умная, внимательная и добрая девушка. С этого момента считаю тебя своей спасительницей, которая достойна награды!

Рогнеда сдерживалась изо всех сил, чтобы не сбросить

руку с плеча и не ударить наглеца, который продолжал так складно врать. Решив, что начатое стоит довести до конца, она продолжила свой маленький спектакль, сетуя, что повелась на провокации мавок. «В следующий раз точно заставлю Забаву так унижаться и лебезить. С меня хватит», – решила она.

– Как же? – Рогнеда прищурилась, потирая кончик носа.

– Ну... – замялся Виктор, подбирая слова. – Во-первых, улов у нас солидный. – Рогнеда прыснула в кулак, глядя на его практически пустую корзинку. – Во-вторых, я знатно проголодался, думаю, как и ты. Ну и, наконец, в-третьих, на улице начинает темнеть и холодать. Следовательно, нам пора домой, где будет тепло и много еды. Что скажешь?

На душе Рогнеды заскребли кошки, давая понять: или сейчас, или никогда. Тяжело вздохнув и прибегнув к магии, она посмотрела прямо в глаза мужчины. Только сейчас, находясь в лесу, девушка могла прочесть тайны Вити, связанные с бором. Воспоминания словно яркими всполохами отображались в его взгляде, выдавая все тайны: он прекрасно знал местность; приезжал сюда много раз и творил ужасные, непростительные дела, убивая животных и потроша их шкуры. Рогнеда прикусила щеку, не позволяя своей истинной природе проявиться раньше времени, и с лукавой улыбкой произнесла:

– Скажу, что согласна, но при одном условии – ужин с тебя.

В этот момент Рогнеда ясно ощутила исходившие от Вити эмоции: страх, подозрение и отвращение. «Хоть в чем-то наши мысли совпадают», – подумала она, скрывая ухмылку.

– Без проблем, – согласился он. – Надеюсь, ты не против, если мы заедем и купим еды по пути? – Рогнеда покачала головой. – Тогда идем? – Виктор попытался взять ее за руку, но девушка отскочила в сторону.

– Догони сначала, – бросила Рогнеда и, поманив за собой, побежала к оставленной на поляне машине.

Довольно хмыкнув, Витя помчался за ней, одобряя игривый настрой – хоть что-то интересное за весь вечер. Поймать девушку – левая задача, если бы не постоянные кочки и корни, которые словно вырастали на каждом шагу. Когда Виктор настиг Рогнеду и уже готов был дотянуться до нее, она проворно ушла вбок, словно могла видеть затылком.

– Что, силенок не хватает? – Рогнеда, показав язык, повернула влево.

Раззадоренный мужчина ускорился, однако спустя пару метров дышать стало труднее – тропинка круто брала вверх.

– Не догонишь, не догонишь!

Насмешки подхлестывали, но силы быстро иссякали, а лес словно не кончался.

– Сдаешься? – издевалась Рогнеда, даже не думая скрывать торжества.

– Ни... за... что... – сквозь одышку выдавил Витя.

Под ногами путались поваленные деревья, ветки цепляли

одежду и норовили угодить в глаза. В какой момент корзина выпала из рук – мужчина не понял, увлекшись погоней. Легкие горели, мышцы ныли, испарина покрыла лицо, пульс бил по ушам, но сдаваться Витя не был намерен.

Вдруг меж стволов замаячил просвет, означавший только одно – дальше расстилалась поляна, на которой они оставили машину. С торжествующей улыбкой Виктор ринулся вперед и выбежал на луг, уже утопающий в сгущающихся сумерках.

– Рогнеда! – Виктор остановился, выравнивая дыхание. – Я сдаюсь... Ты выиграла... – еле проговорил он, ковыляя к автомобилю. – Выходи.

Сумерки расстилались по поляне, температура стремительно понижалась, а лес превращался в жуткое место, пускай Виктор и бывал в нем не раз.

– Рогнеда, выходи, – позвал он, приближаясь к машине.

Тишина. Желание припугнуть мелкую заразу, которая, видимо, притаилась за автомобилем, заставило мужчину отыскать в кармане ключи и нажать кнопку автозапуска. Двигатель зашумел на всю округу, но Рогнеда по-прежнему молчала. Раздраженно тряхнув головой, Виктор обошел машину и замер. Никого. Только корзинка с грибами.

– Эй! Где ты? – Он огляделся. – Это уже не смешно! Выходи!

Протяжный волчий вой раздался со стороны леса. Вороны черной тучей взмыли ввысь. Карканье раскатом пронеслось по округе. Но ни звонкого смеха, ни мелодичного голоса –

никакого намека на присутствие девушки.

– Рогнеда! – вновь позвал Виктор, стараясь не поддаваться панике. Дурное предчувствие витало в воздухе, заставляя его озираться. Никогда прежде он не подумал бы о том, что может кого-то бояться в лесу. Обычно выходило наоборот.

Небо постепенно затягивалось сгустившимися тучами. Луна едва показалась и тут же скрылась за темным облачным лоскутком, не желая смотреть. Поднялся холодный, пронизывающий до костей ветер. Виктор всматривался в тени леса, пытаясь разглядеть девушку, но тщетно. Он точно помнил, как она выбежала на поляну и скрылась за машиной.

– Рогнеда!

Дурное предчувствие разрасталось в душе. Рассудок кричал, что нужно садиться в автомобиль и уезжать, пока не стало поздно. Ведь на самом деле Виктор ничего не знал о девушке: ни адреса, ни семьи, ни работы. Он даже возраст ее не мог вспомнить. Вдобавок ее поразительные навыки ориентирования в лесу с самого начала хоть и впечатляли, но заставляли предполагать худшее – все кричало о том, что она задумала дурное.

Еще раз посмотрев по сторонам и никого не заметив, Виктор сжал ключи. Решил, что поедет в полицию и сообщит о пропаже Рогнеды, а там уж должны со всем разобраться. Поклявшись, что оставит знакомства в социальных сетях, он потянулся к ручке двери.

– Бу!

Виктор подпрыгнул от испуга. Рогнеда стояла напротив и хохотала, держась за живот.

– Обманула, как ребенка малого, – проговорила она, смахивая слезы из уголков глаз. Запугивать охотников ей всегда нравилось – они дрожали от страха и боялись лишней раз пошевелиться.

Отдышавшись, Виктор свирепо посмотрел на нее.

– Весело тебе, да? – его сильно раздражало все это. – Ну просто обхохочешься! Знаешь, я уже хотел отправить спасателей на твои поиски. Ходил тут, звал, придумал себе невесть что, а ты просто пряталась! А что, если я уже позвонил в полицию, а? Кто штраф платить будет? Только о себе и думаешь!

Он распылился не на шутку. Желчь и яд вырывались из его души, а глаза смотрели жестоко – мерзкое нутро дало о себе знать.

При виде истинного облика Виктора, который он так тщательно скрывал все это время, Рогнеда резко замолкла. Желваки заходили на ее острых скулах, рот исказился в кривой ухмылке. Вот оно, о чем твердили мавки, – гнилая сущность вырывалась наружу, а значит, утаивать свою природу Рогнеде тоже больше не было смысла. Если сначала она сомневалась и хотела отделаться лишь запугиванием, то теперь желала расправиться со злодеем, как и со всеми остальными, кто обижал беззащитных.

– Позвонил, говоришь? – Рогнеда подошла ближе. – Когда

же ты успел? Что-то я не слышала, чтобы ты разговаривал. Или ты их силой мысли призвал? А может, ты нагло врешь, выгораживая свою трусливую натуру? – Шаг влево, предупреждая движения мужчины. – Спасателей вызвал? Штрафа теперь боишься? – Синхронный выпад вправо. – Разве мать с отцом не говорили тебе, что врать – плохо? Или ты позабыл все? Только брюзжать и других обвинять можешь? Что же ты за человек такой? Хотя я знаю, кто ты. – Ее губы растянулись в оскале, шепча: – Охотник.

Страх и раздражение поднимались в груди Виктора от брошенных обвинений – свидание приняло совершенно мерзкий характер. Как Рогнеда догадалась, кто он на самом деле – его уже не волновало. Сейчас гораздо важнее было другое – пора прекращать эту встречу и навсегда отделаться от неприятной особы. Они слишком задержались в лесу, и нужно было возвращаться, но девушка даже не думала уходить.

– Поедем домой? – наконец выдавил Виктор, сиюсь успокоиться.

Рогнеда молчала, пытаясь совладать с эмоциями. В памяти вновь всплыли образы прошлого, когда она, как загнанный зверек, просила помощи у лешего среди бурелома. Надежда тогда покинула ее, и в сердце царило отчаяние, толкнувшее на безрассудный шаг: предложить свою душу темным силам, только бы выжить; отомстить каждому, кто измывался над слабыми; стать сильнее, чтобы защищать невин-

ных. И леший услышал, внял сбивчивым молитвам и награ-
дил девицу природой хищника, подарив облик исполинского
серого волка. Тогда-то она и обратилась впервые. Выпрыг-
нув в своем новом теле, Рогнеда напала на поганого сосе-
да-душегуба и его друзей и покалечила их, оставляя глубо-
кие шрамы и увечья. Она до сих пор ясно помнила, как они
уползали прочь, пронзительно крича от боли. Торжество от
собственного могущества пьянило голову и вселяло чувство
превосходства над всеми.

– Извини, – проговорил Виктор, громко вздохнув и все
еще надеясь расстаться мирно. – Я виноват, признаю, но про-
шу – давай уедем отсюда. Уже темно и холодно, а назад до-
рога долгая.

Рогнеда вдруг обернулась, посмотрела на появившуюся
луну и слегка улыбнулась.

– Пожалуйста, сядь в машину, – уговаривал Витя. У него
возникло непреодолимое желание бросить девушку тут, но
он сдерживался из последних сил.

Рогнеда запрокинула голову и дико захохотала на всю
округу. Природа вторила ей: ветер погнал листву, деревья
гнулись под его натиском, вновь раздался волчий вой – ма-
вки старались на славу, устраивая достойное представление.
Стая птиц вдруг взмыла с деревьев и принялась кружить над
поляной, предвещая беду. Взглянув на них, Рогнеда поняла,
что больше нет сил сдерживать внутреннего зверя. Пора.

Предчувствуя дурное, Виктор схватился за дверцу маши-

ны, но Рогнеда резко метнулась вперед, сбив его с ног. Ошарашенный ее силой мужчина отполз подальше и вскочил.

– Прости, что обидел тебя, – он поднял ладони, ища примирения. – Прошу, давай поговорим спокойно. Уверен, что произошло недоразумение и мы можем прийти к компромиссу. Чего ты хочешь? Денег? Давай договоримся.

Но Рогнеда не желала слушать: ее глаза отливали безумным светом, руки дергались как у куклы, пока девушка наступала все ближе. Виктор попятился, но предательская кочка резко выросла под ступней, заставляя его упасть. Он сморщился от пронзительной боли в затылке и вдруг замер, глядя на Рогнеду.

Она встала перед ним и закричала. Рогнеда обращалась в громадного волка, готового защищать слабых от сильных любой ценой. Дрожа от страха, Виктор смотрел на противостественные преобразования: одежда разрывалась, руки и ноги превращались в мощные лапы хищника, а шелковистые волосы сменились густой серебристой шерстью.

За один миг из миниатюрной девушки она превратилась в Серого волка, скалящегося в ночи.

При виде леденящего душу оборотня мужчина рванул вперед – ему всего лишь надо добраться до машины и уехать. Сердце колотилось как бешеное, перед глазами все плыло, тело словно совсем перестало слушаться. Реальность стремительно ускользала из-под ног. Каждый вздох обжигал, голова кружилась. Ему надо гнать отсюда прочь, подальше от

чудовищных обитателей этого леса и монстра, приближающегося в ночи.

Едва владея собой, Виктор бросился наискось, но Рогнеда оказалась проворнее. В один прыжок она сократила расстояние и обнажила клыки, нависая над отчаянно хватающим воздух охотником.

Дом Рогнеды, Сумрачный лес, Навь

Тонкое покрывало тумана вновь расстиралось по земле, обволакивая округу густой и липкой завесой. Обычно спокойная и холодная Смородинка сейчас стремилась бурным потоком вдаль. Утренняя тишина звенела в воздухе: ни одного призрака или упыря не слонялось вокруг.

Даже истинные волколаки, которые никогда не упускали возможности подшутить над происхождением, не досаждали Рогнеде. Они также обитали на берегу Смородинки, но держались стай, гордясь тем, что являлись или потомственными оборотнями, или великими колдунами, которым откры-

лось мастерство перевоплощения. Были среди них и воины, одолевшие волка в схватке: тогда поверженный зверь отдавал свое обличье победителю.

Рогнеда же не могла похвастаться такими успехами, ведь стала волком, продав душу. Поэтому-то стая никогда не упускала случая поиздеваться и высмеять одиночку. Однако Рогнеда не придавала этому никакого значения, гордясь тем, что, в отличие от них, помогала беззащитным и спасала жизни животных.

Оборотень сидела на поросшем мхом камне и стирала грязную одежду в темных водах реки Смородинки, не отмечая ее чудом потеплевших вод. Лицо Серой было опухшим, а под глазами пролегли синяки – так и не смогла уснуть. Остатки ночи провела, замечая в Яви следы «прогулки», а затем, вернувшись домой, принялась отмываться то в облике зверя, то в человеческом теле. Только стены ее избушки были свидетелями всех слез.

– Ну? Как все прошло?

Тихие шаги Забавы волчица различила сразу, но общаться с кем-либо не хотела – гадкое чувство отравляло изнутри, лишая сил.

– Ты же не обиделась на меня? – обеспокоенно спросила мавка. – Мы хорошее дело совершили, теперь на еще одного вредителя меньше.

– Скверно это все, – процедила Рогнеда сквозь зубы. – Не люблю я так проблемы решать. Каждый раз потом мучаюсь

кошмарами.

В отличие от многих обитателей царства мертвых Серая сумела сохранить способность спать и есть. Остальные же могли спокойно обходиться без примитивных потребностей.

– Бу-бу, а говорила, что отважной защитницей станешь, – буркнула Забава и тут же подпрыгнула при виде волчьего оскала. За столько лет так и не привыкла к «фокусам» оборотня.

– Вот именно: защитницей, а не убийцей! – рявкнула Рогнеда. – А для тебя это словно одно и то же! Конечно, легко рассуждать, когда последние двести лет сидишь и только плетешь веночки, пока верный волчок Рогни разделяется с неудобными. И не смей мне сейчас вещать про долг – точно сорвусь!

– Тише, тише, не кусайся. – Мавка примирительно подняла руки и поспешно вытащила из кармана сарафана ягоды, протягивая их оборотню, но та лишь фыркнула, отказываясь. – Ты что, действительно убила его? – прошептала Забава, виновато пряча взгляд.

Она прекрасно помнила завет Рогнеды: не соваться к ней во время охоты, а сидеть тихо и мирно в укромном месте, помогая оттуда строить иллюзии. Оборотень всегда переживала, что разум может покинуть ее в любой момент, и она сорвется, превращаясь в безжалостную убийцу. По этой причине Забава не знала ничего про то, что произошло на поляне перед ее родным бором.

– Зачем спрашиваешь? Боишься, что его призрак мстить придет? Или муки совести унять желаешь? Ты-то оказалась не при делах: всегда милая и невинная девчушка с очаровательной улыбкой. Вот только ты способна глотку разорвать не хуже меня, но вечно строишь из себя эталон добродетели. Конечно, ручки пачкать никто не любит, – причитала Рогнеда, злясь больше всего на себя.

Забава не ответила, лишь пристроилась рядом и стала помогать выжимать мокрые вещи, избегая смотреть на едва сдерживающую слезы подругу.

Рогнеда ненавидела свою хищную ипостась с давних пор. Поначалу сильное тело зверя вселяло могущество, и все враги казались ничтожествами. После расправы над соседом и его дружками, которые навсегда остались калеками, Рогнеда вернулась домой и продолжила жить как ни в чем не бывало. Однако с каждым днем все больше понимала: теперь ей нет места среди обычных людей. Сосед и его прихвостни хоть и боялись ее, все же бросали косые взгляды и перешептывались с остальными жителями, натравливая их на Серую. Вся округа вскоре не чуралась досаждать Рогнеде: ломали забор и плодоносные деревья, воровали с огорода, а однажды и вообще удумали спалить сенник.

Тогда-то она и решила уйти в дремучий лес, где целый век прожила под защитой лешего. По его приказу многие охотники слегли от когтей девицы-оборотня, но каждая отнятая жизнь зияла глубокой раной на сердце Рогнеды. Она

возненавидела саму себя за жестокость, однако дороги назад не было – душа ее теперь принадлежала Нави.

Окончательный переход в мир темных сил состоялся, когда волчице минуло сто одиннадцать лет. Морана приняла Рогнеду и велела ей, как и многим другим, защищать границы Сумрачного леса, откуда никто не возвращался живым. На желание оборотня оберегать земли в Яви богиня прикрыла глаза: возможно, не одобряла, но и отговаривать не стала.

Благодаря разрешению верховного лешего Сумрачного леса – Дубровца – Рогнеда соорудила на берегу Смородинки маленькую избушку, в которую часто заглядывали души почивших животных и мавки. Остальные существа держались от оборотня подальше – она казалась им слишком резвой и неуместной в их царстве мрака.

Мавки часто наводили Рогнеду на разоренную местность и браконьеров. С ними-то и приходилось разбираться порой самыми жесткими методами, но иного выбора не было: долг обязывал защищать. Так и вышло с землями Сосновца, хозяина того леса, где вчера Рогнеда желала разделаться с охотником, но не пришлось: сердце мужчины не выдержало ужасного облика оборотня, и Виктор скончался на месте.

– Сам он почил, я не испачкала руки, на этом хоть спасибо, – наконец прошипела Рогнеда. – Только все равно скверно, знаешь ли.

Она корила себя за слабость и нежелание быть жестокой, но поделать ничего не могла. Видя переживания подруги, За-

бава чуть приобняла ее за плечи и хотела утешить, как вдруг раздался оглушительный рев, затрещала земля, а вода в реке пошла паром, заставляя девушек отпрыгнуть.

– Не к добру это, – жалобно прошептала мавка, юркнув за спину Рогнеды.

Последняя перевела взгляд на запад и вдохнула полной грудью. В легкие тут же забрался запах костра и жженой травы. Только сейчас Рогнеда обратила внимание на давящую тишину и ощутила повисшую в воздухе тревогу. Приглядевшись, она заметила, что вдалеке тянулся ввысь изогнутый столб сизого дыма, но пламени видно не было. Плохое предчувствие больно кольнуло грудь – нужно проверить, что еще случилось прошлой ночью.

– Возвращайся к себе, Забава. – Рогнеда решительно встала, натягивая любимый плащ. – Я разберусь.

– Удачи, – пожелала мавка и убежала, сверкая босыми ступнями.

Проследив за исчезающей меж кустов Забавой, Рогнеда развернулась и поспешила к горам Отшельницам, откуда исходил едкий запах. С каждым шагом дышать становилось труднее, а земля все больше скрывалась под слоем пепла. Все это означало только одно – Змей Горыныч в гневе.

Змей Горыныч

ЗМЕЙ ГОРЫНЫЧ

«Мост Калинов всю жизнь охраняй, речку Смородинку от чужаков оберегай. Чтоб не было большие напрасных жертв, чтоб не было большие подобных тебе».

Наказ Змею Горынычу от богини Мораны

*Незадолго до этого, дом Кирилла,
граница Яви и Нави*

– Когда мы ужеходим в ту пещеру? – Звонкий голос разрезал тишину. – Она же недалеко! Ты все обещаешь, а не делаешь. Совсем меня не любишь.

– Ну что за глупости, Зоя? – Кирилл набросил на худые плечи девушки теплый плед. Они стояли на балконе его особняка, пока небо багровело от закатных лучей. – Разве я дал повод усомниться в своих чувствах?

– А почему тогда не можешь сводить меня на другой берег? Почему я только и слышу про завтра? Ты что, хранишь в том гроте свои секреты? – голубые глаза злобно сверкнули.

Кирилл изумленно уставился на нее, поражаясь быстроте необоснованных и нелепых выводов. Только что она рассказывала про пустяковые ситуации на работе, а теперь сыпала обвинениями, которые были не так уж далеки от истины. Он действительно хранил там секреты.

Зоя перебралась к Кириллу два месяца назад и с первого же дня загорелась навязчивой идеей сходить на другой берег

протекающей рядом реки. Горы-великаны тянулись плотной стеной, подле которой разлегся лес с острыми шпильями сосен и скрипучими ветвями бурелома. Бурный горный поток стекал с вершин, образуя высокий водопад, за которым виднелась проклятая пещера – вход в сокровищницу Кощея Бессмертного.

Именно туда и манило Зою. По законам потусторонних обитателей она не могла видеть ни Калинов мост, ни противоположный берег – земли Нави. Сильнейшая магия должна была отпугнуть девушку и не подпускать к царству мертвых за сотни верст, но присутствие рядом Кирилла развеивало любые иллюзии и защищало от чар. Не ведая правды, Зоя все время упрашивала прогуляться к «потрясающему водопаду», к которому дорога живым была закрыта. Однако рассказывать об этом девушке Кирилл не спешил – полагал, что еще не время раскрывать тайны. Неизвестно, как Зоя отнесется к его секретам: вдруг отвернется и бросит, вновь оставляя его в полном одиночестве, а рисковать Кирилл не хотел.

– Что молчишь? Угадала, да? – Зоя взбрыкнула, скидывая плед и вырывая мужчину из размышлений.

– Ну что ты такое говоришь? – Он крепко обнял ее, игнорируя вялые протесты. – На том берегу нет ничего примечательного: такой же лес, и ничего более. Поэтому я просто не понимаю твоего повышенного любопытства. Что там может быть такого, Зоя?

Не удостоив его взглядом, Зоя упрямо отвернулась, вновь

рассматривая берег, покрытый покрывалом жухлой листвы. Огромный многовековой дуб одиноко рос подле деревянного моста через реку Смородинку. Даже стоя на балконе, Зоя могла поклясться, что видела, как поднимается пена у подножья водопада.

– Чем дольше ты молчишь и отнекиваешься, тем мне больше кажется, что ты скрываешь там свои мрачные тайны. Признавайся: за водопадом хранилище скелетов или секретная лаборатория? – предположила Зоя, обнимая себя за плечи – зря сбросила плед. – Правда, у мужчины, живущего одиноко в лесу, наверняка есть что скрывать. Может, у тебя и жуткий подпол имеется? А все твои слова про наследство от деда-лесничего – это лишь предлог?

Кирилл покачал головой: Зоя и не предполагала, как она была права, ведь никакого деда не существовало и в помине. Десять лет тому назад колдовской сон, насланный на Кирилла, разрушился, и он пробудился в теле молодого мужчины, коим был в далеком прошлом. Великая богиня Морана позволила ему существовать между Навью и Явью, взяв с него клятву оберегать Калинов мост и завесу между мирами.

Так Кирилл отстроил себе дом в лесу – вдали от навязчивых соседей из царства мертвых и шума Яви, слишком изменившейся с момента его смерти. Он обосновался на границе межмирья, выполняя предназначение и сказываясь обычным человеком. Все удобства и даже условная работа – нюансы, чтобы только казаться все еще живым. Будучи мертве-

цом, он решил брать от существования все, что можно. Магия исполняла любой каприз, небьющееся сердце позволяло не стареть, а обличье трехглавого Змея Горыныча вселяло уверенность и силу, перед которой любой готов был трепетать, – идеальная жизнь, о коей раньше не смел мечтать.

Раньше жизнь Кирилла контролировалась злобной и коварной ведьмой Маринкой, которая питалась его чувствами. Она умело манипулировала им, внушала свои мысли и обманывала, уверяя, что любит и желает только добра. Вместе они творили страшные дела: разрушали селения, убивали в пламени деревни и сеяли смуту. Никто не мог обуздать трехглавого зверя, которым руководила Маринка.

Кирилл вздохнул, стараясь не вязнуть в образах прошлого и пряча лицо в русых волосах девушки. За все время знакомства Зоя никогда не отказывалась от своих намерений, поэтому рассчитывать на уступки – наивная беспечность. Терять девушку, с которой было весело и, самое главное, не одиноко, совсем не хотелось, а если не сходить с ней вместе, то она непременно полезет сама. Посетить грот – несложно, главное – выйти и не накликать на себя ненароком беду, ведь от колдовства, которым насквозь была пропитана сокровищница Кощея, уйти не просто. Однако присутствие Кирилла значительно ослабит силу чар, и Зое ничего не будет угрожать, если только она не прикоснется к сокровищам. Тогда любая магия будет бессильна. Много лет опытные чернокнижники пытались извести порчу, но ничего не помога-

ло, а потому был наложен простой запрет: ничего не трогать.

С усмешкой Кирилл вспомнил первую встречу с Зоей: упрямица сама завязала с ним разговор в клубе и не думала отставать ни на миг. Змей такой настрой оценил: красавица помогала заглушить одиночество и дарила обманчивые чувства. Обнимала, словно действительно любила, а не развлекалась, и Кирилл поддавался, не желая признаваться даже самому себе, что ничего не испытывает к ней. Ему нравилось чувствовать себя значимым, любимым, даже если это было ложью. Его жизнь наконец-то начала складываться как надо. Больше не было витязей, желающих дракону смерти, и рядом не крутилась Елена Прекрасная, чей облик спустя столько лет все же отзывался тоской в груди. Не было и коварных ведьм, в словах которых никогда не было правды.

Картины, антиквариат, машины, пошитые на заказ костюмы, исполнение практически любого желания по щелчку пальцев – теперь Кирилл мог позволить себе все, что угодно. Он пристрастился проводить в Яви шумные и веселые вечера в компании упыря Казимира, с которым легко нашел общий язык. В царстве мертвых Змей близко общался только с Рогнедой, которая всегда внимательно слушала и не жалела советов. Однако Серая настаивала на том, что ничем хорошим не кончится слишком разгульная и бурная жизнь стража завесы между мирами, но Кирилл отмахивался, беззаботно отдаваясь потоку, к которому спустя столько времени удалось прикоснуться.

– Хорошо. – Кирилл сдался. – Мы ходим с тобой на тот берег и посетим пещеру, и ты убедишься, что ничего интересного там нет.

– Спасибо, спасибо, спасибо! – Зоя засияла от радости и прильнула к его крепкой груди.

– Но при одном условии, – девушка удивленно уставилась на Кирилла: – Ты не отойдешь от меня ни на шаг, ни к чему не прикоснешься и никогда не будешь перебираться туда в одиночку, – потребовал он, заставляя Зою недоверчиво нахмуриться.

– Почему? Боишься, что заблужусь? – усмехнулась она, запуская ладонь в его густые каштановые волосы.

– Мост постоянно гниет, – на ходу выдумывал Кирилл. – Наступишь не туда и тут же провалишься в воду. Не думаю, что тебе это понравится, – Зоя покачала головой. – Значит, договорились? Обещаешь, что не нарушишь слова?

Зоя подмигнула, и Кирилл понял, что она согласится на все, лишь бы ее желание осуществилось: в этом они были невероятно похожи.

На следующий день пара отправилась на противоположный берег. Деревянная переправа показалась Зое прочной, но Кирилл попросил в точности повторять его движения: шаг по левой стороне, два по правой, четыре в центре, один посередине и снова три справа. Такую точность Кирилл легко объяснил: он менял весной худые доски на новые и отлично помнил, где самые прочные. Аккуратно ступая за ним

след в след, Зоя пробралась на другую сторону и блаженно улыбнулась – она почти что получила желаемое. Однако стоило только оглядеться, как Зою ожидало разочарование, а Кирилл едва сдерживался от саркастичных замечаний. Он ведь предупреждал, что здесь не стоит искать чудес. Все тот же мрачный лес, увядающая трава, одинокий дуб, вот только гулял слишком холодный ветер. Поежившись, Зоя перевела взгляд на высоченные горы, которые вселяли чувство собственного ничтожества перед их исполинским величием.

– Идем? – спросил Кирилл, скрывая ухмылку. Он знал, что находиться рядом с горами Отшельницами не просто – они веками хранили в себе столько магии, что порой даже ему было сложно устоять перед ней.

– Да-да, – Зоя заторопилась и повела плечами, стараясь сбросить наваждение. Она слишком долго добивалась прогулки сюда и так просто не сдастся, поэтому, не обращая внимания на словно предупреждающий шелест ветвей дуба, уверенно зашагала за Кириллом. Обойдя шумный поток водопада по скользким камням, они нырнули в полумрак.

На удивление пещера оказалась совсем не узкой и темной, а достаточно широкой. Не было и сперттого воздуха, от которого бы мигом закружилась голова. Вместо этого тело окутывали прохлада и свежесть, а просторный зал плавно уводил вниз. Ожидаемая непроглядная тьма рассеивалась дальним отблеском света впереди и лучами включенных фона-

рей, которые предусмотрительно захватил Кирилл.

– Ты бывал здесь не раз, верно?

Кирилл кивнул, продолжая идти вперед. Магия вибрировала в воздухе, и ему необходимо было прислушиваться к каждому звуку, контролировать местоположение Зои и постоянно развеивать чары, которые могли бы свести с ума любого. С каждым шагом становилось все сложнее мыслить ясно и оставаться внешне спокойным. В глубине души Змей уже не раз проклял себя за поспешное решение и потакание желаниям девушки.

В тишине, разрушаемой лишь далеким шумом водопада, они продолжали спускаться глубже. Осматриваясь по сторонам, Зоя предвкушала найти наскальные рисунки, останки или хотя бы брошенную утварь, но встречались только пустота и камни. Вся пещера казалась совершенно нетронутой рукой человека.

– Здесь так чисто, – заметила Зоя. – Ты ведь говорил, что здесь бывают туристы. Неужели никто не оставил даже мусора? Да и как сюда вообще добираются? Через твой дом?

– Я сказал, что бывают, но не частые, – недовольно процедил Кирилл. – Мало кто знает об этом месте, поэтому не думай найти здесь что-то стоящее. Прошу, не отставай.

Мелкие камешки хрустели под ботинками, потоки ветерка чуть касались кожи, пока спутники спускались ниже. Зоя изводила Кирилла и постоянно задерживалась, подсвечивая каждый угол фонарем. Желание бросить все и вернуться до-

мой силилось в груди Змея, но он, подхлестываемый страхом одиночества, упорно продолжал идти, пытаясь контролировать магию.

– Кир, а как давно ты перебрался в эту глушь? – спросила Зоя, не в силах больше терпеть молчание. Обычно милый и стговорчивый Кирилл теперь казался ей злым и холодным.

– Я же уже говорил, – отрезал Змей. Легенду о своей жизни он позаимствовал из любимой байки Рогнеды про родственников лесничих.

– Просто как-то немного дико, что ты живешь здесь совсем один, а рядом только лес. Я-то думала, что хотя бы здесь бывают туристы, но теперь понимаю, что они – явление крайне редкое. Здесь только природа и ничего более, – с нескрываемым разочарованием рассуждала Зоя.

– А я ведь предупреждал, – съязвил Змей.

Зоя цокнула языком.

– Ну говорил, и что с того? Зато теперь я убедилась сама, – надменно произнесла она.

Кирилл стиснул зубы и подал ей руку, помогая перебраться через крупный валун. Характер у Зои действительно был под стать его собственному, что раздражало и нервировало, но Кирилл терпел и ее колкости, и нарастающие волны чар, которые грозили сломить его в любой момент. Дышать становилось сложнее, но Зоя ничего не замечала и бодро шагала рядом, вертя фонариком.

– Все равно не понимаю, как ты мог оставить цивилиза-

цию ради глуши, – пренебрежительно заметила она.

– Каждый выбирает то, что ему под стать, – меланхолично заметил Кирилл. Он точно не станет посвящать ее в собственные тайны.

Пытаясь не потерять связь с реальностью, Змей и не заметил, как извилистая, усыпанная сталагмитами дорожка вывела их к озеру, скрывающемуся за неестественно огромными каменными колоннами. Вода точно сияла в блеске многочисленных кристаллов, покрывших потолок и стены грота вплоть до самой кромки воды. Самоцветы переливались оттенками голубого и озаряли пространство, наполняя его магическим свечением.

– Какая красота, – восхитилась Зоя, присаживаясь у озера. – И это ты называешь «ничего интересного»? – недовольно воскликнула она. – Да это же настоящее сокровище! А ты не хотел меня сюда приводить.

Кирилл равнодушно пожал плечами и облокотился на выступ, пытаясь совладать с собой. Весь зал сокровищницы был насквозь пропитан черной магией, которая душила и отравляла его так, что он едва стоял на ногах. Перед глазами все плыло, а из носа потекла тоненькая дорожка крови. Надо срочно уходить отсюда, пока еще есть силы противостоять проклятию.

Однако Зоя не замечала состояния Кирилла. Она, как зачарованная, ходила вокруг озера и любовалась отблесками самоцветов. Таких драгоценностей Зоя никогда не видела:

ни горный хрусталь, ни бриллиант, ни сапфир – ничто не шло в сравнение со здешними кристаллами. Они завораживали, манили к себе, уговаривали прикоснуться и казались драгоценностями словно из другого мира. Не в силах сопротивляться, девушка протянула ладонь к ближайшему.

– Не тронь! – воскликнул Змей, заставляя Зою испуганно дернуться. – Пораниться можешь, – попытался смягчить тон, но вышло скверно.

– С тобой все нормально? – только теперь Зоя заметила, что Кирилл словно посерел.

– Не особо, – сказал он и покачал головой. – Прощу, давай уйдем отсюда. Кажется, я приболел.

– Ну конечно, – недовольно бросила Зоя. – Очень вовремя.

Кирилл не отреагировал и попытался выровнять дыхание, прикрывая глаза и зажимая кружащуюся голову руками. Он понимал, что все обиды и капризы девушки сейчас зазвучат по-новому, ведь чары проникали в сердце и выворачивали самое дурное в душах. Эгоизм затмевал рассудок Зои и заставлял бегать от одной стенки сокровищницы к другой, желая урвать каждое мгновение. И, позабыв о предостережении, девушка не удержалась и протянула палец к крупному кристаллу. Но стоило только прикоснуться, как Зоя закричала от боли, зажимая ладонь.

– Ауч! – воскликнула она, с обидой глядя на самоцвет.

Кирилл с трудом раскрыл веки, пытаясь понять, что про-

изошло. Но, увидев, как девушка держится за руку, мигом все осознал.

– Черт, Зоя! – разгневанно воскликнул он. – Я же просил ничего не трогать! Неужели так сложно запомнить?

Едва осязаемый запах крови тут же отозвался новой порцией боли: сокровищница ощутила присутствие живой души и взывала к стражу, умоляя его немедленно разобраться с нарушителем границ или оставить ее тут на вечные муки. Пропитанные насквозь проклятием кристаллы зазвенели в ушах Кирилла и словно потянулись к Зое, желая насытиться ею. Стиснув зубы и стараясь не упасть в обморок, Змей схватил женскую руку и осмотрел кровоточащий палец.

– Все нормально, – попыталась его заверить Зоя. – Это же обычная царапина, скоро пройдет. Тебе не стоит так волноваться.

Сознание оставляло Кирилла. Не в силах больше сопротивляться чарам, он взял Зою под локоть и потащил к выходу.

– Надо срочно обработать рану и вытащить осколок, – сказал Змей, проклиная себя за беспечность. Он и позабыл, что края самоцветов были неровными, чтобы жертва легко попадала в ловушку.

– Осколок? Откуда? – удивилась Зоя и попыталась вырваться, но Кирилл не думал ее отпускать. – Я просто порезалась, Кир. Не преувеличивай. И прекрати меня тащить как ребенка!

Она столько времени хотела сюда попасть не для того, чтобы уйти спустя десять минут. Тем более, когда вокруг такая красота: ей хотелось остаться и любоваться магическим свечением часами, а не покидать потаенное место в спешке. Зоя и не догадывалась о том, насколько сильно уже увязла в чарах, и если бы не Кирилл, то она бы начала сходить с ума.

– Я отпущу тебя, если обещаешь идти рядом, – процедил Змей, борясь с тошнотой.

– Да что ты так торопишься? – вспыхнула Зоя. – Подумаешь, поранилась! Тоже мне проблема. Не перелом же. Ты вообще какой-то странный! Живешь рядом с таким удивительным местом со всеми этими сокровищами, но никогда не рассказывал о нем. Ты хоть представляешь, сколько самоцветы могут стоить? Это же целое состояние!

Зоя оттолкнула его, потирая руку от крепкой хватки.

– Деньги, все всегда в них, да? Ты вообще не видишь, что мне плохо, а? – рявкнул Кирилл. Из носа у него шла кровь, а глаза заволокло тьмой. – Мир не вертится вокруг тебя и твоих прихотей. Хотела побывать в пещере – пожалуйста, сводил. Довольна? Или я должен выполнить еще какое-то желание из бесконечного списка капризов, чтобы ты хотя бы элементарно поблагодарила меня? Ты только просишь и просишь, совершенно не думая о других.

Зоя молча выслушала гневную тираду, не испытывая ни капельки сочувствия. В ее глазах так и пылало презрение к Кириллу, который вдруг удумал казаться больным. Все не

вовремя, все не так, как надо ей.

– Что молчишь? Правда глаза колет? – выпытывал Змей. – Прекрасно, меньше болтать будешь. А сейчас будь добра: следуй за мной, иначе останешься здесь в гордом одиночестве, – он стиснул пальцы на ее локте и потащил за собой.

Ему становилось все хуже. Здравый смысл подсказывал, что не стоило так обходиться с девушкой, которая ничего не знала о губительных свойствах пещеры. Ведь Кирилл сам согласился, а значит, здраво оценивал все риски и должен был предусмотреть самый плохой вариант, но все пошло наперекосяк. Кусая губы до крови и стараясь игнорировать настойчивый шепот сокровищницы, Змей ковылял прочь, ведя Зою за локоть. Она же специально замедляла шаг, постоянно оборачивалась и спотыкалась, но Кирилл упрямо шел дальше. Он вдруг осознал, что с легкостью оставил бы девушку тут, если потребовалось бы: уж лучше вечное одиночество, чем такие страдания во имя призрачных чувств.

Добравшись до дома, Зоя демонстративно громко хлопнула дверью и не выходила из спальни весь день. К ночи сознание Кирилла прояснилось, и он попытался извиниться, но встречала его лишь тишина. Змей пытался объяснить причины своего поведения и спрашивал про рану, но Зоя была непреклонна. Однако по его просьбе она все же обработала рану, но не смогла найти мистический осколок, о котором говорил Кирилл.

Последующая неделя работы заставила Зою вернуться в

город и погрузиться в проекты. Однако ноющая боль в указательном пальце не давала покоя. Каждую ночь девушке снились самоцветы и магическое озеро.

Спустя неделю жажда прикоснуться к кристаллам не ослабла, и Зоя вернулась к Кириллу, не желая обсуждать ту прогулку. Змей, удивленный ее возвращением, несколько раз спросил Зою о ране и даже попытался осмотреть ее кисть, но девушка вырвалась, запретив прикасаться к себе и заверив, что все в порядке.

Не зная, как лучше объяснить Зое свое поведение, Змей отправился за советом к Казимиру – Рогнеда где-то пропала все эти дни. Уход Кирилла из особняка стал для Зои праздником: она только и выжидала удобного случая, чтобы наведаться в пещеру.

Туманная пелена ползла из леса, а за камнями мелькали уродливые тени потусторонних существ, но девушка не обращала внимания. Горы манили ее, палец пульсировал и точно жаждал вновь прикоснуться к заветным кристаллам. Поэтому Зоя, не раздумывая, ступила на деревянный мост и, забыв про наставления, двинулась по прямой. Она не заметила, как небо в один миг заволкло тучами, не почувствовала жгучего холода и ледящего ветра. Только лишь ветви дуба шелестели от стихии и будто пытались вразумить отчаянную.

Подсвечивая путь фонариком и аккуратно ступая меж валунов, Зоя добралась до озера и блаженно улыбнулась. Слов-

но сумасшедшая, она принялась ползать от одного самоцвета к другому, сильно сжимая их. Она плакала, смеялась в истерике и обещала никогда больше не покидать этого места. Кровь сочилась из ладоней, попадая на камни и оставаясь повсюду липкими пятнами. Проклятая сокровищница питалась заблудшей и беззащитной душой.

Сколько времени Зоя провела внутри – она не понимала. Однако дышать становилось все труднее: ранее ощутимая свежесть иссякла, осталась только невероятная духота. Стянув с себя куртку, Зоя принялась обмахиваться руками. Голова гудела, виски пульсировали, а глаза застилала пелена. Надо было выбирать, но тело совсем не слушалось, продолжая ластиться к холодным сверкающим сводам. Зачерпнув воды из озера, Зоя умылась, пытаясь сообразить, что делать дальше. Оставлять кристаллы не хотелось, но и находиться в гроте становилось невозможно. Отчаянная мысль кольнула висок, подтолкнув к безумному поступку. Зоя ринулась к ближайшему кристаллу и принялась ковырять его из стены, шепча:

– Я вас тут не брошу. Ни за что.

Багряные ручьи стекали по гладкой поверхности камня, ногти ломались, кожа сходила с пальцев лоскутами, но девушке было все равно. Самоцвет будто шептал на ухо:

– *Спаси меня.*

Чужой колдовской говор дурманил, не позволял ощущать дикой боли, что сковывала руки. Рассудок оставил Зою –

проклятие поработило ее. Наконец с торжествующей улыбкой она вытащила кусочек самоцвета и прижала его к груди.

– Я тебя спасу, не бойся, – сбивчиво шептала она, укачивая кристалл, будто младенца. – Теперь все будет хорошо, я клянусь.

И в этот самый миг горы сотряс оглушительный рев, прокатившийся гулким эхом по пещере. Самоцветы зазвенели и задрожали, с потолка посыпалась пыльная крошка, а камни под ногами треснули. Спокойное и чистейшее озеро вдруг вспенилось и покрылось густым паром. Парализованная страхом, Зоя смотрела, как вода с бешеной скоростью закручивалась и вскипала, а из глубины поднималось нечто темное и пугающее.

Как только Зоя перешла мост через Смородинку, Кирилл упал, корчась от боли. Клятва, данная Моране, одолела его, и не в силах сопротивляться зову, Кирилл помчался прочь из Яви, на ходу превращаясь в зверя. Портал в Навь образовался сам по себе, возвращая стража на его законное место. Рассудок оставил его: у дракона не может быть никаких чувств, кроме долга.

И теперь громадный зверь с тремя змеиными головами взмыл из озера и рванул в вышину, ломая пещеру. Камни посыпались со всех сторон, заваливая выход и круша кристаллы. Успев увернуться в последний миг от летящего булыжника, Зоя с ужасом наблюдала, как рушатся все сокровища, а в небе раскатисто рычит дракон. Не понимая, что

происходит, девушка ринулась прочь, все еще прижимая к груди осколок.

Земля дрожала, пещера разрушалась, неминуемая гибель дышала в спину. Зоя едва успевала уворачиваться от падающих в смертоносной близости камней, спотыкалась, но все равно не сдавалась и крепче сжимала самоцвет.

Только добежав до дуба на берегу, она обернулась: пещера была полностью уничтожена, огромная дыра зияла в горе, а в высоте кружил черно-красный трехголовый Змей. Ведомая адреналином, Зоя помчалась к реке, надеясь добраться хотя бы до особняка.

Дракон словно этого и ждал: он тут же спикировал вниз, извергая пламя. Его рев сотрясал землю, и Зоя упала на колени, выставив руки вперед. Самоцвет тут же вонзился ей в ладонь, заставляя пронзительно закричать. Со слезами на глазах Зоя только сейчас заметила глубокие кровоточащие раны на кистях. С воплем вытащив кристалл и отбросив его прочь, Зоя вскочила на ноги и захромала к переправе через бушующую реку.

Окрестности пылали от пламени дракона, кружащего в вышине. Огонь охватил округу, отчего пришел в негодность старый дуб. Один лишь мост оставался нетронутым вопреки всему, но времени на размышления у беглянки не было. Схватившись за деревянные перила, Зоя сделала первый шаг, как ее тут же отбросило назад магической силой – никто не смел покинуть Нави, коль пробудился страж. Древ-

ний закон определял судьбу нарушителя: его ждала смерть в объятиях пламени. Однако никогда еще ярость Змея не была столь разрушительна: он словно боролся сам с собой, пытаясь вернуться в облик человека, но чары были сильнее.

Новый поток пламени сорвался с небес. Зоя завизжала, но ее голос утонул в громовом рыке исполинского зверя. Каждая из трех голов, не ведая усталости и боли, разила пламенем во все стороны. Небо скрылось за размахом гигантских крыльев, от которых исходили потоки ветра, вырывающие деревья с корнем. Острые когти сверкали серебряным цветом и вселяли ужас. Языки пламени ширились и вырастали на глазах: вся земля утопала в красных всполохах, которые не оставляли после себя ничего. Новый поток пламени теплился в груди зверя, норовя уничтожить все живое.

Зоя, держась за ушибленную голову, попыталась подняться на ноги. Мост, охваченный со всех сторон огнем, стонал, но упорно, словно зачарованный, сопротивлялся приближающемуся концу. Зоя судорожно пыталась придумать план, как вдруг вспышка боли заставила ее вновь упасть: коготь дракона прошелся по плечу, оставляя глубокие, кровоточащие порезы.

Девушка с трудом доползла на коленях до ближайшего булыжника и спряталась за ним. Каждая секунда промедления могла стоить ей жизни, но план спасения не приходил в голову. Сбежать в лес – жар и гарь заполонили округу. Ждать чуда точно не стоило – некому было спасти девушку. Сердце

сжалось от сожаления, заставляя Зою проклинать саму себя: стоило послушаться Кирилла, и тогда бы ничего не случилось.

С высоты сорвался еще один огненный бич, вынуждая Зою взглянуть вверх: Змей кружил прямо над ее головой. Пламя разрасталось с невероятной скоростью, а дышать становилось невыносимо. Собравшись с силами, Зоя рванула к берегу и тут же прыгнула в бушующий поток реки. Но стоило только телу коснуться мутных вод, как Смородинка пошла паром и забурлила подобно котлу. Зоя попыталась подплыть к берегу, но тот неожиданно исчез перед ней. Река обезумела, вторя Змею, и накрыла девушку громадной кипящей волной.

Дракон еще долго ревел в высоте: никто на целом свете не мог обуздать ярость Змея Горыныча. Столетиями Кирилл в облике зверя защищал Навь от непрошенных гостей и оберегал сокровищницу Кощея Бессмертного, как и было ему велено Мораной. Теперь же, когда Зоя нарушила границы и не послушала человека, пришел черед Змея, пламя которого уничтожало все на своем пути.

Дом Кирилла, граница Яви и Нави

Серое небо окутывал смог, что расстелился по реке и тянулся дальше в лес, скрывая силуэты деревьев и противоположный берег Нави. Воздух, пронизанный ночным пожаром, душил изнутри. Тусклое зарево разлилось в высоту, и одинокий солнечный луч проникал через гордые вершины елей, пробуждая лесное царство Яви.

Кирилл медленно ходил вокруг пепелища: жалкие руины дома громоздились теперь кучей мусора. Ничто не уцелело после его неистовства. Не стало выстроенного кропотливым трудом особняка, на который было потрачено столько сил и времени. А главное: не было больше Зои – такой наивной и легкомысленной, но дорогой сердцу. Слеза скатилась по щеке Кирилла при виде выжженной земли, где еще вчера он надеялся на светлое будущее, а теперь все ожидания рассыпались в прах.

Древнее проклятие, насланное хитрой Маринкой, до сих пор обращало Кирилла в зверя. Много веков тому назад Мо-

рана забрала мертвого дракона к себе, в царство теней и мрака, и велела охранять реку Смородинку и Калинов мост – тот самый, через который души проходили в Навь. Все это время дракон спал непробудным сном в той самой пещере на глубине озера в сокровищнице, выполняя наказ Пряхи судеб. Он внимал происходящим событиям и видел их будто во сне: все повороты, новые существа и их жизни в Нави – все это Кирилл знал, хоть и спал беспробудным сном. Но десять лет назад Змей очнулся – чары ведьмы наконец-то иссякли. Морана казалась не слишком удивленной таким поворотом событий и позволила Кириллу поселиться на границе между мирами. Так и начался его новый этап жизни, который теперь закончился. Учиненное бедствие сложно было бы не заметить, а потому оставалось только гадать, в какой момент владычица Нави призовет виновника на суд.

Никогда прежде не случалось такой катастрофы. Злая и темная магия, созданная Пряхой судеб, оберегала Навь от неожиданных гостей, а за порядок и сохранность со стороны Яви отвечал леший Сосновец. Именно он был с самого начала против идеи Кирилла поселиться в сосновом бору и оказался прав, вещая, что тот лишь накликает беду. Из-за него пострадали земли двух миров, Зоя погибла, а самое страшное – колдовское пламя разрушило завесу между царствами, и теперь везде начнется полный хаос. Призраки и прочая нечисть будут исчезать из мира мертвых, болезни и кошмары расползутся по Яви, высасывая из людей души и пожи-

рая их. Ледяная пурга обрушится на людские земли, сковывая морозами каждый уголок. Холодные ветра Нави начнут уносить жизни изо дня в день, оставляя после себя только смерть. И виноват в этом только Кирилл.

В обличье Змея Горыныча он не владел собой. Разум затмевался неиссякаемой жадой разрушения, и Кирилл даже не осознавал, кого именно убивал. За свою мирскую жизнь он обращался множество раз, неся повсюду пламя, боль и смерть. Целые поселения погибали в страшных муках, отчаянные храбрецы были истерзаны от когтей и зубов Змея. Конец кровавому безумию и смертельной пляске пламени пришел тогда, когда смелый и ненавистный витязь сразил трехглавое чудовище. Сотни лет существования в горах Отшельницах, долгожданное освобождение и нарушенная клятва, данная богине, – вот и вся судьба Кирилла.

Он не имел права приводить живую душу в мир мертвых, но собственный эгоизм и желание угодить девушке взяли верх над здравым смыслом. Кирилл знал о губительном свойстве сокровищницы Кощея и мог ослаблять его своим присутствием, однако маленький осколок – источник всех бед – пустил ядовитые корни и свел Зою с ума. Только из-за него девушка решила вернуться к отравленным и доводящим до безумия богатствам древнего чернокнижника. За напрасную, обреченную на провал выходку Зоя поплатилась жизнью. А ведь роком так и веяло, но Кирилл упрямо не хотел ему верить, позволил Зое обижаться и не проконтроли-

ровал ее состояние. Слишком беспечно и глупо для такого существа, как он.

– Почему же ты не послушала? – прошептал Кирилл, сжимая кулаки.

Он стоял на коленях, глядя на пепелище и с трудом сдерживая слезы. Вопросы терзали голову: что с ним теперь будет; уничтожит ли его Морана или отправит в страшную низину Лиха, где нет конца и края вечным мукам. Кирилл так долго ждал освобождения от чар, и сейчас, когда жизнь начала складываться, все разрушилось.

– Потому что она была слабой, – понуро заметила возникшая из ниоткуда Рогнеда. Она знала о Зое и ее скверном характере, но искренне старалась радоваться за друга, который внешне казался счастливым. – Зоя, как и ты, оказалась слишком беспечной. Видимо, такова судьба.

– Морана убьет меня, – стирая слезу, констатировал Кирилл. Он пытался осознать эту простую мысль, но выходило скверно: никогда прежде жизнь не казалась ему столь ценным даром.

– Не торопи события, – попыталась поддержать Рогнеда. – Не стану спорить: выглядит все крайне скверно и проблем немало, но ты – страж между мирами, которому нет равных. Так что надежда на сохранность жизни все же есть. Хоть и слабая.

Кирилл промолчал. Он понимал, что Серая была права и тогда в своих предостережениях о распутной жизни, и сей-

час, не давая ложных обещаний.

Рогнеда, стоя рядом, рассматривала место пожара. По дороге сюда она уже успела оценить масштабы проблемы: выжженный лес, разрушенная пещера, обгорелый дуб – священный символ Нави, – возле которого определялась дальнейшая участь души, – все это выглядело бедственно, но поправимо. Горы, которые принадлежали негласному царю Нави – Кощею Бессмертному, – могли возрождаться благодаря темной магии. Великий дуб – через несколько дней, словно ничего и не было. Сумрачный лес оправится при помощи Дубровца, который напитает земли чарами, но больше всего страшило иное – от пожара пострадала завеса между Навью и Явью.

– Все уже знают, что произошло, Кир, – обреченно заметила Рогнеда. – Нам надо прибраться здесь и как можно скорее идти за помощью.

Кирилл кивнул, рассматривая пепелище. Рогнеда переминалась с ноги на ногу, пытаясь придумать слова поддержки, но все они казались глупыми и пустыми. Как можно не переживать, когда вокруг зреет буря; как можно уповать на призрачное «хорошо», если все рухнет и мирам грозит катастрофа, а виноват в этом только ты один. Серая не знала ответов, но видеть страдания друга было тяжело: как никто другой, волчица знала, что Змей всегда жаждал любви и принятия. По этой причине он постоянно проникал в Явь, веря, что однажды встретит ту самую, которая сможет полюбить

его таким, какой он есть. Но он ошибся.

Стараясь больше не отпускать едких комментариев и причитаний, мол, «я ведь говорила, я ведь предупреждала», Рогнеда осторожно опустила ладонь на его плечо, чуть сжимая.

– Давай без жалости, – раздраженно процедил Кирилл, сбрасывая руку и поднимаясь на ноги.

Рогнеда опешила: она ведь хотела поддержать, а нарвалась на грубость. Видя, как тень обиды скользнула по лицу волчицы, Кирилл мысленно отвесил себе оплеуху за резкость и мягко поинтересовался:

– У тебя вчера все нормально прошло?

– А ты откуда знаешь? – изумилась Рогнеда. Она ведь еще никому не успела рассказать про вылазку в Явь, а Кирилл уже был посвящен в произошедшее.

Змей усмехнулся. Он бы помолчал, изводя оборотня по сильнее, но испуг, мелькающий в ее глазах, заставил объясниться:

– Я как страж ведаю многое, Серая. Чувствую, кто и когда пересекал границы междумирья в любом из обличий. Поэтому знаю, что ты ушла еще днем, а вернулась на рассвете.

– Но как? Ты же ведь, ну... – она замялась, пытаясь подобрать нейтральные слова.

– Говори прямо: как ты можешь соображать, где, кто и когда, если ты огромный и ни на что не годный монстр с тремя головами, которые разят пламенем во все стороны и совершенно не думают о последствиях? – на одном дыхании вы-

дал Кирилл, кривясь от собственного описания.

Рогнеда потупила взгляд. Она не привыкла видеть друга таким: обычно он всегда улыбался и шутил, а сейчас пытался скрыть подавленное состояние за маской цинизма и самоунижения.

– Прости, мне не стоило спрашивать, – виновато прошептала Серая.

Кирилл покачал головой и грустно хмыкнул.

– Это мне стоит просить прощения за учиненную катастрофу и за то, что набросился на тебя с обвинениями. А что насчет твоего вопроса – в облике дракона я вижу и осознаю только тех, кто представляет угрозу, остальные – все равно что шум. Они есть, но я не обращаю на них внимания. Потом уже, когда перевоплощаюсь в человека, то понимаю, кто переходил границу, пока я был в теле зверя, – пояснил Кирилл, скрестив руки на груди. – Вчера, например, кроме тебя еще в Явь выходили упыри, четверо волколаков и, естественно, полуночницы.

– Настоящая справочная, – Рогнеда легонько толкнула друга в плечо. – О, уже улыбаешься! Видимо, не все потеряно.

Однако грусть, отразившаяся в глазах Кирилла, была красноречивее любых слов и показывала все терзания, что пожирали его изнутри. Вчера вечером, уходя на встречу с давним другом, он никак не мог подумать, что спустя час ему придется материализоваться в Нави в облике зверя.

– Я пришла, потому что беспокоюсь за тебя, – тихо призналась Рогнеда. – Мало ли, случилось что и ты в опасности.

– Я? – горько рассмеялся Кирилл. – Нет, в опасности все, кто начинает со мной общаться. Впрочем, ничего удивительного. Я ведь чудовище.

– Это не так! – возмутилась Рогнеда. – Ты хороший, добрый и открытый человек, настоящий друг, который всегда может утешить и поддержать. Все обычно ругают меня за беспечность или ворчат, что я много ем, а это, видите ли, неправильно. Но ты никогда не осуждал меня и уж тем более не читал нотаций. Не наговаривай на себя, прошу. Все совершают ошибки, это и продолжает делать нас живыми, разумными. Так что не наговаривай на себя, пожалуйста.

Кирилл пристально посмотрел на Рогнеду: щеки ее пылали, а глаза сверкали будто от слез. Никогда прежде он не слышал столько добрых слов в свой адрес и не замечал, чтобы обычно бойкая Серая смущалась от его взгляда.

– Спасибо, – Змей благодарно улыбнулся, легонько щелкнув волчицу в нос. – Скажи, ты не заметила никого важного, пока шла сюда? – переменял тему он.

Рогнеда покачала головой: ни один из обитателей пока что не решился подойти к горам и пепелищу, боясь навлечь гнев Змея. Только парочка упырей слонялась неподалеку, с любопытством посматривая на разруху и громко перешептываясь о предстоящем суде и ярости богини-владычицы.

– Ну да, зачем им являться? – саркастически заметил Ки-

рилл. – Морана и без того все ведаёт, Кощей и Моревна точно не пропустили такое зрелище, сидя в Темном тереме. Остальные – дело времени. Но, думаю, сплетни уже поползли.

– В нашей жизни мало чего происходит интересного. – Рогнеда потянулась к мелькающему среди завала зеркалу и провела по нему рукой, стирая пепел. – Не кори себя, от судьбы не убежишь. Видимо, такая участь была уготована Зое с самого начала.

– Мы оба знаем, что это не так, – отрезал Кирилл. – Зоя должна была жить.

Серая вновь взглянула на друга снизу вверх, оценивая, как поникли его плечи, а кулаки белели от напряжения. От него так веяло злобой на самого себя и на весь свет, что казалось округа может запылать в любой момент.

– Мы не знаем, что готовит нам судьба, Кир. Мы просто идем по уготованному нам пути, а Морана смотрит и следит, чтобы все прошло, как надо. И если ее нити сплелись в такой узел, значит, распутывать будем все вместе.

Змей нервно усмехнулся пропитанный горечью. Слишком много всего свалилось на него, а устоять и не сломаться – сложно.

– Поможешь скрыть завалы? – подал он голос после затянувшегося и тягостного молчания. Рогнеда кивнула, и на секунду Горынычу показалось, что в уголках зеленых глаз блеснули слезы. – Ты что, плачешь? Неужели тебе жаль бед-

ную рептилию? Ай, больно! – вскрикнул Кирилл, потирая плечо от сильного щипка. – За что?

– За то, что пытаешься нарваться на комплименты, ящерка, – хмыкнула Рогнеда. – Знаешь же, что от меня их никогда не дождешься, как ни старайся.

Кирилл широко улыбнулся.

– Неправда, несколько минут назад ты расплылась, какой я хороший, красивый и просто замечательный.

– Скромность – не про тебя, – отмахнулась Рогнеда, забираясь на гору кирпичей. Щеки так некстати вновь запылали. «Соберись, не о том думаешь», – отчитывала себя Серая, разбирая завал.

Поглядывая на оборотня, Кирилл осторожно спросил:

– Расскажешь, что у тебя стряслось в Яви?

В ответ раздался тягостный вздох волчицы, которая пустилась в описания своих злоключений. Змей внимательно слушал и задавал уточняющие вопросы, желая убедиться, что Серая не оставила в лесу никаких улик. Мавки обещали проверить все еще раз, чтобы не было подозрений и порицаний от Сосновца.

– Даже если ты что-то и натворила, то это меркнет с масштабами проблем, которые учинил я, – попытался успокоить Кирилл, за что в него тут же полетела книга, рассыпаясь обгорелыми листьями в воздухе.

Спустя пару часов колдовства, которое было дано в той или иной степени каждому обитателю Нави, на месте раз-

важин появился высокий холм. Временная иллюзия скрыла груды мусора – они разберутся с ней позже, сейчас важнее всего было иное.

– На неделю хватит, – заключила Рогнеда, придиричиво осматривая плоды кропотливой работы. – Нам выдвигаться надо. Или ты еще хочешь побыть тут? – робко предложила Серая.

Она вдруг осознала, что более чем восемьсот лет тому назад Кирилл проходил через подобное. Также была разрушена земля, а он стоял, виновный и понурый, перед той, кого любил. Или думал, что любил: Елена Прекрасная никогда не отвечала на его чувства взаимностью. Рогнеда никогда не обсуждала чувства друга к Елене Прекрасной и к Маринке и не думала сейчас упоминать Зою. Захочет – сам расскажет, а давить она не станет – незачем ворошить старые раны, если они все еще болят.

– Полно жалеть меня, Рогнеда, – резко проговорил Кирилл, заставляя ее мигом ступешваться. «Укуси меня аспид, еще один чтец мыслей», – бурчала сама себе Рогнеда, стараясь не смотреть на друга.

Еще раз взглянув на остатки особняка, Кирилл постарался мыслить спокойнее, ведь исправить ничего не выйдет. Серая права: им действительно стоило поторопиться и явиться с повинной к старшим покровителям Нави. К самой Хозяйке Зимы они попасть не могли, а Кощей не особо жаловал Горыныча, о чем напоминал при каждой встрече. Оста-

вас одна надежда – мудрая и справедливая Баба-Яга, которая сможет дать совет и при необходимости защитит.

– Чем раньше явимся на поклон, тем быстрее справимся, так что идем, – бросил Кирилл, переходя Калинов мост, и направился вдоль берега.

– Нам придется пройти через пруд, – робко заметила Рогнеда. – На неделе в Нави шли страшные ливни, болот стало больше – не пройдем.

Кирилл мрачно взглянул на извилистую дорогу, засыпанную пеплом и уводящую к Зеркальному пруду – обители водяного и его жены. Между ними и Змеем существовала давняя неприязнь, поэтому каждая встреча норовила кончиться схваткой.

– Значит, идем, – процедил Кирилл, помогая Рогнеде сойти с моста. Надеяться на лучшее явно не придется.

Русалка

Русалка

«Вас, дети несчастные, участью простой одаряю: воды земные и темные беречь вовек завещаю».

Из речи при появлении Игоря и Ярославы в Нави

Много веков тому назад, Явь

– Да что же тебе сдалась эта окаянная, а?! Неужто не понимаешь, что глупая она и дети от нее такими же будут? Не на прогулку же девку зовешь, а в дом свой родной ведешь! – бранилась Лада.

– Полно, матушка, полно. Отчего же вам Ярослава не мила? Умна, красива и хозяйственна. Чем же она плоха? – Игорь старался не обращать внимания на непрекращающееся ворчание матери.

– Был бы батюшка твой жив, он бы все объяснил да показал. Совсем околдовала тебя девка эта. Ведьма она. – Лада обессиленно уселась на скамью, прижимая руки к груди.

Нескончаемые споры сильно терзали материнское сердце, но принять выбор единственного сыночка она никак не могла – не нравилась ей молва, что Ярославу окружала. Шептались бабки да мужики по углам потаенным, и ни один еще словом добрым о девке не отозвался.

– Напрасно вы наговариваете, матушка. Не видал я ни разу ничего дурного в ее избе, не слыхал от Ярославы слов страшных. Не примечал я ни ворожбы, ни отваров гадких – стало быть, и не колдунья она.

Сильно печалили Игоря лихие разговоры о милой его сердцу, но поделаться ничего не мог. При нем люд рта не разевал, но стоило только влюбленным разойтись, как тут же взгляды кусачие на Ярославу устремлялись. Уверял ее Игорь, что изменится все, как только они свадебку сыграют в следующем месяце.

– Злословят на нее завистники все, а вы верите им, матушка, – сетовал Игорь. – А зря. Люблю я ее и жениться хочу, а без вашего слова родительского не бывать мне счастливым. Не хочется мне против воли вашей идти. Поэтому прошу: обдумайте все, покуда меня не будет, – поклонился молодец до земли, поцеловал мать и вышел из избы прочь.

В град он собрался за гостинцами для любимой да на ярмарке пышной продать хотел дары земельки своей. Тоска и грусть сердце Игоря сжимали, когда он мимо избышки Ярославы проходил и лишь кивнул украдкой, с ненаглядной прощаясь. Не мог молодец ее с собою взять, а потому молился небесам о ее защите.

Вся деревня завидовала Ярославе – сиротинушка, а не голодала. В хорошей, крепкой избе на окраине жила и радовалась солнышку ясному. По хозяйству хлопотала, урожай по осени собирала, весной же сама все сажала, родителей молитвой ласковой часто вспоминала. Скотинка всегда ухожена и сыта была, в комнатках просторных мышей не видала. Стерегли ее собаки да кошки – гостей незваных на порог не пускали. Рукодельницей еще Ярослава слыла: сложные узо-

ры всегда покрывали ее рубахи и сарафаны, а платки как расшивала – загляденье.

Зависть брала людские сердца: негоже, чтоб девка так все могла да еще никому не должна – значит, ведьма она. Точно отраву украдкой варила, словами лихими соседей заклинала, посему-то те худо и жили. Курицы однажды в округе пропали, так не на лисицу подумали, а на Ярославу. Токмо ей и нужно было скотинку изводить да чары злые на деревеньку насылать. А когда на прошлой седмице дитяtko от хвори в муках умерло, так снова на Ярославу указали. Ведь именно с ней мать ребенка накануне толковала, на судьбинушку жаловалась. Качали бабы головой, точили вилы мужики и глядели хмуро, расправу ведьме предрекая.

С подачи Михайлы, главы поселения, спросили обиженные у Лады, когда сынок ее домой воротится. Как прознали, что через седмицу, так скоро решили темное дело проверить: утопить девицу. Да не просто с камнем на шее ко дну пустить, а в жертву водяному преподнести – так она уж точно к ним никогда не вернется.

Давно уж забыт был старый обряд, лишь сказки дитяtkам молвили бабки по вечерам. В деревеньке той обычай страшный жил: в озере местном водяной водился и раз в год невестушку себе просил. Взамен сулил он жителям богатства, урожай и благодать. Со слезами на глазах девиц водам холодным отдавали, шибко гнева водяного боялись. Да токмо когда решили невесту сына старосты извести, так поднял

молодец бунт и положил конец обряду страшному. С той поры много лет уж минуло – никто более к озеру не ходил, капризы водяного не выполнял.

Однако ж, как про ведьму резко все жители загоготали, так тут же решили жертвоприношение устроить. О том жена Михайлы похлопотала. Каждой соседке ужасов наплела про Ярославу: и дурная она, и женихов изводит, и отраву варит, и скот убивает. Охали, ахали, плакали – решили, наконец: надобно, так надобно. А заодно и для себя пользу получают: и от ведьмы избавятся, и благодать обретут, ведь обязан был водяной обещание свое исполнять.

Когда ж расспросы про возвращение Игоря пошли, так поняла все Лада и заперлась вечером безлунным в избушке своей. Молиться она принялась: боязно стало за девку да за сынка, но против озлобленного люда женщина не пошла.

Меж тем с вилами и топорами к дому Ярославы орава подоспела, всех псов да кошек огнем отогнала. Мужики силой девицу за косы вывели, чрез всю деревню и по лесу в одной рубаше проволокли. По рукам и ногам связали, косы густые распустили, на макушку венка из ярких цветов и лент нацепили – придели для свадьбы с водяным. На тонкую шею камень тяжелый привязали и, проведя по тропинке крапивной, под песни могильные в лодку уложили. Слезы из очей Ярославы катились, к небесам она обращалась и о защите для Игоря просила. Ничто девицу более не тревожило, кроме благополучия любимого – ее ведь судьба гнилыми людьми

уж определена.

В лодку, что в ромашках и васильках утопала, запрыгнул Михайло и на средину озера отправился. Цветы украшением служили, благоуханьем голову дурили. Рука старосты ладонь девицы крепко сжимала, но не глядела на него Ярослав, песням грустным внимала. Усмехнулся тогда Михайло покорности ее и, прижавшись, молвил на ушко:

– Коль послушалась бы меня, так сейчас бы не здесь лежала, а в избе бы хлопотала и меня ночами темными встречала.

Девица пришла в ярость, распахнула она глаза и плюнула ему в лицо. Речи слушать противно стало: уж сколько Михайло вокруг нее ходил, заботой елейной окружал да предложения постыдные делал. Одначе не слушала его никогда Ярослава и всегда прочь гнала, не желая его подле себя видеть. Оттого и настигла ее слава дурная: Михайло жизни мирной не дал, со свету изжил бедняжку.

– Гордая, да? – Михайло смахнул плевок и гадко улыбнулся. – Знай же, что ныне все твои земли моими станут, все себе заберу, а животных твоих первыми под нож отдам. Ты же не увидишь счастья, не познаешь жизни мирной. Будешь на дне обитать и жабрами обрастать, – и, обернувшись к люду, загорланил: – Водяному невеста новая будет служить, женою ласковой станет да икорку метать устанет, – и под хор голов опрокинул Ярославу в воду.

Мерно лодка Михайлы плыла, оставляя позади россыпь цветов да круги, в стороны расходящиеся. Совесть его души

не касалась, страх в сердце не обитал – он с непослушной разобрался, власть свою в очередной раз показал.

Наутро горевать люди не думали: ведьму убили, а значит, покой заслужили. Одна лишь Лада слезами умывалась да возвращения сына боялась. Корила она себя, плакала все дни и ночи напролет, даже к озеру сходила однажды: пала на колени, берег целовала и прощения просила. Однако молчала земля – расправой страшила.

Игорь воротился чуть позже обещанного срока: в пути задержался, бумаг кипу подписывал, да ярмарка долго продолжалась. По прибытии домой хотел молодец сразу с милой лебедушкой своей свидеться. Непокойно было, душа его точно беду чуяла. В пути еще сердце тревожно кольнуло, но быстрее добраться никак не мог.

Покуда сын котомки разбирал да наскоро кашу вкушал, маялась Лада, страх грудь обжигал, и сдалась она наконец. Рассказала на одном дыхании, что с Ярославой приключилось. Как громом пораженный, Игорь замер и долго верить словам матери не хотел. Все отрицал, не желал правде внимать, но заплаканные очи Лады токмо лишь в истине слов убеждали.

– Виновата я, глупая, – шептала старуха, к ладони сына лбом прижимаясь. – Не уберегла, не смогла – струсила я... – и зашлась рыданиями горькими.

Вскочил Игорь, на мать лишь на миг взглянул и бросился к озеру. Ведь знал он, прочувствовал беду, все сплетни да

наговоры злой рок предвещали, да только не поверил молодец сердцу своему и с любимой не остался. Припал Игорь к берегу, камышами поросшему, и зарыдал горячими слезами.

– Прости меня, родненькая, прости меня, ненаглядная, – шептал он, челом об землю ударяясь. – Не уберег я тебя, ясная, не спас от гибели жуткой. Нет мне прощенья, услада моя. Нет мне покоя на свете этом и том, покуда ты в воде этой томишься! Забери и меня, слышишь? Без тебя нет мне бытия.

В горе своем не заметил Игорь, как вода заходила кругами, как выплыла Ярослава и щекой холодной прильнула к любимому. Замер молодец и усталился на деву ни живую, ни мертвую. Поверить не мог счастьем своему: то ли морок, то ли взаправду – сомнения в ключья душу разрывали.

– Здравствуй, месяц мой ясный, – прошептала Ярослава, выбираясь на берег и рядом с Игорем становясь. – Не горюй, свет очей моих, не рыдай. Я подле тебя.

Застыла Ярослава и встретила с ним взглядом: мутными ее голубые очи теперь стали. Лицо ее серым сделалось, синие линии ланиты и выю испещрили, в волосах ракушки мелкие застряли. Цветы из венка неопрятно торчали, грязная, тиной покрытая рубаха стан худой едва скрывала, а с края ее водица капала, под ноги босые лужицей стекая.

– Что же сделали они с тобой? – прижался Игорь к телу хрупкому. – Не защитил я тебя, невесту милую, не спас от

и родов.

– Нет в том вины твоей, сокол мой ясный, – подняла она его на ноги и, холодной рукой поглаживая, прошептала: – Не знал ты коварных мыслей соседей наших, не мог предвидеть, как поступят со мной завистники подлые. Отпусти и живи дальше, суженый мой.

– Как же так, Ярослава? – крепко сжал он ее плечи и в очи белесые заглянул. – Не смогу я жить подле тех, кто извел тебя, кто погубил нареченную мою.

Мягко вырвалась дева из объятий да прислонилась к иве, что ветвями тонкими гладь тревожила. Молчала Ярослава и на небо вечернее взирала, шум леса слушала и мысли плохие от себя отгоняла, но смириться со смертью и участью своею горькой никак не могла. Не желала под водой обитать и очередной женой чудища зваться. Обида под сердцем клокотала, но сама она поделать ничего не могла, а посему молвила:

– Ежели любишь меня, как и раньше, если же жизни нет тебе среди предателей мерзких, если сердце покоя не знает рядом с обманщиками подлыми, то поклянись душой и телом, что верен будешь мне до конца.

Долго думать не стал молодец и сразу ниц пал пред Ярославой.

– Что скажешь, то и сделаю, лебедушка моя. Не видать мне радости и счастья, покуда не будешь ты отмщена.

Голос его ненавистью наполнился, а во взгляде читался гнев.

– Тогда слушай и запоминай, – опустилась дева рядом с

ним и завела пугающие речи: – Не была я ведьмой никогда, не знала слов ворожбы, не проводила обрядов злых, не насылала порчу ни на кого. Только одинокая была, а потому лакомая для гнилых сердец. Михайло ко мне со словами гнусными приходил через день, ложе разделить приглашал. Да только всякий раз я его прогоняла, всем сердцем тебя любя. Но Михайло отказов не принимал. Решил он наконец меня извести да земельку мою к рукам прибрать, коль сама ему в руки не далась. Да только непрост наш глава и жена ему под стать досталась. Злые они люди, Игорь, страшно злые. Поверишь ли мне, что тайны все познала, когда на дно отошла?

– Поверю, голубка моя, поверю каждому слову твоему. – Крепко Игорь ее руки хладные сжал.

Вздыхнула тяжело Ярослава, на озеро взглянула и поведала правду о старосте деревни:

– Помнишь наверняка сказку страшную про обряд древний о невесте для хозяина вод здешних?

– Конечно, – кивнул Игорь. Часто в детстве ему матушка эту былль рассказывала, запрещая к глубокому озеру приближаться.

– Правда все то, о чем бабки шепчутся, – грустно молвила Ярослава, на гладь смотря. – Долго ли, коротко ли, но от отца к сыну в семье Михайлы ларец один передается. Жизнь он оберегает, сундуки богатством наполняет, дела разрешает. Лежат на дне ларчика цветочки малые бадьяна дикого и кусочек палицы старой. Цветы уж иссохли, но силу былую

по-прежнему хранят. Над водяным власть имеют, ведь с его головы тот бадьян сорван. Палицы кусочек пропитан кровью водного хозяина, потому-то и исполняет водяной все желания. Доколе стерегут в семье Михайлы дары эти – не знаю, не рассказал мне хозяин сих вод.

– Откуда же он взялся такой? Неужто всю жизнь тут обитает?

Ярослава пояснять принялась:

– Когда не было здесь еще селения, обосновался здесь водяной. А как повадился люд избы строить, так удумал хозяин злой пакости чинить. Точно человек, бродил по деревне да ужасы воротил: мужиков честных в озере топил, баб и девок по ночам навещал. Боялись его шибко и пощады просили – тогда-то и придумал водяной обряд кровавый. Так долго продолжалось, покуда...

– Покуда счастьем старосты угрожать не стали, – перебил ее Игорь, сказку вспоминая.

– Верно, – кивнула Ярослава. – То предок Михайлы был. Избил он палицей царя вод и загнал его в озеро, вырвав с головы бадьян – считай, что власть над существом получил, коль кусочек плоти схватил. С тех пор и лишился воли водяной, ведь пуще любого сокровища ларчик берегут в семье Михайлы и потерять страшатся. Много зим уж прошло, но не забыл ни сын от отца сказку правдивую, ни водяной позора своего. Злится он, Игорь, пуще прежнего желает отмщения да избавления от власти окаянных.

Диву дался Игорь от рассказа сего: не подумал бы никогда, что сказка всегда правду лишь молвила. Одначе в истине слов любимой сомневаться не думал, токмо спросил:

– Кто ж рассказал тебе это все, соколица?

Печально на него Ярослава взглянула.

– Сам водяной и поведал. Частенько он вздыхать любит о судьбинушке своей горькой, а русалки, жены его, токмо и поддакивают ему, – отстранилась Ярослава и на камень опустилась, себя за плечи обнимая.

Сердце ее тоской наливалось, как вспоминала, что возвратиться на дно придется, а там только тьма, рыбы да чудо-терем, в коем существовать приходится.

– Отчего ж он не забыл про позор свой давний?

Игорь рядом с Ярославой присел, ласково прядь волос за ухо убирая – не пугал его облик ее дивный.

– Всякий от подчинения избавления желает, – с тоской дева взглянула на любимого. – Послушай: водяной обещал меня к тебе навсегда отпустить, ежели ларец тот принесешь. Знал он, что ты сюда явишься, а я каждый день токмо здесь и слоняюсь – не хочу вниз возвращаться. Коли не справишься, так не видать нам совместного счастья. Лица твоего светлого не увижу боле, женой водяного стану да рыб с лихвой нарожу. Решайся, милый, решайся. Три дня на раздумья дано, а после прощай, месяц мой ясный. – Наскоро Ярослава уста любимые поцеловала и прыгнула в воды холодные.

Мучился думами тяжкими Игорь два дня и две ночи. Ма-

тушка от него не отходила: заметила, что с сыном неладное творится. Горевала, места себе не находила, да не стерпела и хотела на себя уж руки наложить, да только Игорь успел выбить из ладоней старческих нож.

– Что сделали, то сделали, – словно прорычал он, хмуро глядя. – Вы, матушка, с самого начала против Ярославы были. Теперь счастливы, верно?

– Игорь! Что же ты такое молвишь! – пуще прежнего рыдалась Лада.

– Полно. Винить я вас не стану – лучшего, видимо, желали. Но об одном только прошу: сегодня ночью тихо в избе сидите и не выходите, что бы ни случилось. Впрочем, вы уж и так этому научились.

Затряслась женщина, слезы ручьями потекли, к сыну потянулась, но тот уж вышел прочь. Поняла в один миг Лада, что задумал Игорь худое для каждого в деревне, кто стоял мирно, не думая перечить обряду кровавому. Выбежала она в сени и принялась сына отговаривать:

– Дитяtko мое ласковое, – припала Лада к сердцу его, – любовь твоя страшна и коварна, она ведь не сказка моя, а очень опасна. Нет больше Ярославы твоей. Пойми это, смиришься и дальше живи, полной грудью дыши. Не вернется к тебе утопленница.

– Коли не дали мне счастливым быть при жизни, так в Навь с ней милой спокойно уйду. А вы ступайте, нечего сейчас мне голову дурить, – отрезал Игорь и более речи слушать

не стал.

Как только месяц молодой на небе показался, так отозвал все чувства Игорь, и мезтью единой наполнилось его сердце. Зажег он факел и, не раздумывая, бросил его в стог сена подле избы одной, а затем и рядом со второй, и с третьей. Вспыхнул огонь сильный, принялось пламя от дома к дому гулять, людей на улицу выгонять, а там их коса встречала. Свиристым палачом молодец сделался: не трогал его плач женщин, не испугался мужиков грубых. Никто его остановить не смел, хоть и пытались – будто маревом злым был Игорь окружен. Не ведая усталости, шел он прямо к терему богатому, где засел Михайло с женушкой своею. Чувал подлый староста, что конец его близится и не удастся сбежать от судьбы.

К крыльцу высокому огонь подобрался, когда зашел внутрь терема Игорь, не слыша криков позади – все жители округи уж полегли. Не спаслись слуги от лезвия хладного, пока хозяева жалась в горнице своей. Не сдержала молодец и дверь тяжелая: вышиб ее одним лишь ударом, точно наделил Игоря месяц силой богатырской. Скулила жена старосты, жалась к мужу, а тот, как заметил взбешенного молодец, так схватил ларец и выскочил прочь. Однако ж недолго бегал Михайло, за ним след из страха вился да манил за собою Игоря. Принялся молить мужик о пощаде, богатств сулил горы, обещал сыночком дорогим называть, но не слушал его молодец. Крепче сжал рукоять косы и разрезал одним махом гниду пополам.

Забрал Игорь ларец и поспешил сквозь завесу дыма и гари к озеру, чтобы обещанное получить. Взглянул он украдкой на избу родную, единственную огнем нетронутую, и вздохнул тяжело: за содеянное дорога в Навь точно была ему предназначена.

Хохотом на берегу его водяной встречал, хлопками громкими к себе подзывал, глазами рыбьими лукаво глядел. В пролесок дым не проникал, словно чары преградой стояли. Сурово Игорь на хозяина озера взглянул и молвил, кровь с лица оттирая:

– Я исполнил твою волю. Отдай же мне Ярославу, – протянул он ларец заветный и выжидать стал.

Загорелись глаза мутные, схватил водяной ларец и мигом бадьян в лапах с жабрами в порошок растер, кусочек палицы же на дно озера отправился – там его слуги мигом спрячут.

– Исполнил, исполнил, – мерзким голосом прохрипел водяной. – Ларец возвратил, ныне спокойно спать могу – ни у кого власти нет надо мной. Да только непрост ты, юнец, непрост. Понравилось ли тебе жизни губить, а? Пепелище разжигать? В слезах и крови утопать? – недобро подмигнул хозяин вод, взгляда коварного не спуская с молодца.

Молчал Игорь, только смотрел на русалок пригожих, которые шустро к берегу пожаловали – удальцом полюбоваться. На радость его, не было среди них Ярославы – ее внизу, на дне озера, оставили. Жались русалки к обрюзгшему пузу мужа, ластились к старому телу, не замечали ни гнили, ни

тины. Игорь с отвращением глядел, но сдерживался – от воли чужой зависел.

– Так исполнишь иль нет? – процедил молодец наконец, взгляд грозный не скрывая. Не для того сердце слезами обливалось, чтобы насмехались над ним. Не потому мать его плакала и проклинала себя за страшный проступок. Не ради беседы лживой вся деревня в огне сгинула.

Покрутил водяной ус свой сомовый и улыбнулся, обнажая черные зубы.

– Исполню.

Хлопнул он в ладоши, и вышла из вод Ярослава. Закружил ее Игорь в объятиях, больше никогда отпустить не желая.

– За то, что услужил ты так ладно, готов еще вам услужить, – коварно улыбался водяной. – Нет тебе, палач суровый, теперича жизни в Яви, да и дорога в светлую Правь навеки закрыта. Так что предлагаю вам двоим в Навь отправиться да там остаться. У Мораны для вас наверняка служба найдется. Что скажете?

Испуганно Ярослава на водяного посмотрела, в руку Игоря вцепилась и обман отыскать в глазах рыбьих пыталась. Молодец же к себе крепко ненаглядную прижимал и тоже лжи поджидал. Заметив их хмурые лица, расхохотался хозяин озера и пробормотал:

– Я им счастье предрекаю, а они волком глядят! Да где же это видано-то, а? – Русалки тут же мужа принялись унимать, ласками одаривая. – Коль хотел бы я вас извести, то речи

бы ни минутки не вел и мигом бы удушил. Правда, красавицы? – Закивали его жены тут же, с осуждением взирая. – Ну полно-полно. Вам ведь все равно в Навь идти и там скитаться. Ярослава навеки русалкой останется, а ты, Игорь, призраком сделаешься. Будете тогда поодиночке скитаться и слезы горькие лить. Я же вам предлагаю участь завидную: хозяевами в Нави стать и души под своим контролем держать.

– Неужто там сейчас хозяев нет? – удивилась Ярослава.

– Был там водяной, да сплыл! Против воли Мораны он пошел: водицы живой испил и думал, что тотчас проклятие смое, да токмо так не бывает. Вот и изловила его Хозяйка Зимы и сурово наказала: в водоросли превратила. Так что ныне, почитай, нет там хозяев, а вы как раз к делу придетесь.

Переглянулись меж собой Ярослава и Игорь и кивнули, участь новую познать желая.

– Славно-славно! А ты, Игорь, за мать не бойся – я прослежу, чтобы жизнь спокойно свою дожила, – молвил на прощание водяной и пальцами щелкнул, влюбленных в мир иной отправляя.

Как предрекал водяной, так и сложилось. Лада тихую жизнь в избушке провела. Одиночество и скорбь ее верными подругами стали: не перебралась она никуда из селения пустого да горелого. С тоской на пепелище глядела, себя ругала, да токмо без толку все было. Не навещал ее сын, а потому одна в старости глубокой умерла Лада.

Водяной же в озере по сей день обитает и жен своих обере-

гает. Не выбирался он боле на сушу, не тревожил покой людской. Только над случайными прохожими потешался да во владения свои зазывал. Не было больше обряда кровавого, стерлись прошлые деяния из памяти, развеялись все страхи.

Меж тем Игорь с Ярославой в Нави жить-поживать стали. Пряха судеб их без удивления тогда встречала, будто поджидала. Нарекла Морана влюбленных хозяевами пруда Зеркального и под защиту Дубровца в Сумрачный лес отвела. Так и стал Игорь царем водяных, а Ярослава единственной его женою называлась. Через пруд огромный все души, что конец свой в воде отыскиали, в Навь отправлялись и подле него оставались.

За порядком Игорь с Ярославой следили, обязанности исполняли да только об одном все время мечтали – к жизни людской возвратиться, тепла и счастья в Яви познать, а не вечность в тени коротать. Однако люди за них по-другому решили, покой у них отнимая и себя заодно проклиная.

Пруд Зеркальный, Сумрачный лес, Навь

Пруд Зеркальный скрывался за густой кроной деревьев и отражал в себе вечно серое небо Нави. Недалеко от пруда, за еловыми зарослями, обитала стая волколаков – колдунов-оборотней, которые еще при жизни обзавелись звериным обликом. Парочка оборотней как раз проходила мимо, громко обсуждая невероятную и напрасную ярость Змея Горыныча, который мог уничтожить весь лес в одночасье «из-за какой-то девки». Слухи расплозились слишком быстро, и уже практически каждый обитатель Нави предвкушал расправу Кирилла и сетовал из-за грозящей беды.

Ярослава, облаченная в длинный сарафан, сидела на берегу и вслушивалась в рассказы проходящих мимо. Ночью она вместе с Игорем ощутила, как бесновались воды Смородинки, а раскатистый рев над головой не оставлял сомнений в происходящем. О таинственной Зое, о которой перешептывались все, кому не лень, Ярослава тоже знала, но в отличие от многих старалась не осуждать его за потакание собственным прихотям. Она понимала, что Кирилл только недавно избавился от колдовского сна и теперь подобно ребенку хотел вкусить все дарованные прелести жизни. Правда, во всем должна быть мера, иначе грозит обернуться бедой, что и произошло.

Игорь же злорадствовал вместе с другими русалками и утопцами, которые населяли дно пруда Зеркального и являлись свитой местного водяного. Вместе они предрекали са-

мые жестокие меры наказания для провинившегося и надеялись, что теперь Морана отдаст титул хранителя между мирами Игорю, а не самонадеянному Кириллу.

– Дым понемногу развеивается, – заметила Ярослава, услышав шаги мужа. В ее руках мелькали веточки мирта и цветы могильника, которые русалка умело сплетала в поминальный венок для Зои.

– Все равно воняет гарью, – проворчал Игорь, стоя в рубашке и закатанных штанах по колено в воде и подкармливая призрачных рыб. – Смородинка еще долго бесноваться будет, и нам от этого тоже достанется: пруд потеплел от пламени. Помяни мое слово: добром это все не кончится, и скоро все мы окажемся в большой беде.

– Чему быть, того не миновать. Разве не так народные мудрости завещали?

– Люд много чего испокон веков болтает да только сам же своим словам и не внимает. Говорили ведь, что нельзя приводить живых в Навь, а разве слушает кто? Ну ничего-ничего, теперь-то уму-разуму его быстро научат.

Ярослава шумно вздохнула, заставляя мужа обернуться.

– Я понимаю, что за каждый проступок расплачиваться надо, а Кирилла все же жалко. Он ведь счастье найти пытался.

– Когда ты успела такой понимающей стать? С чего вдруг защищать его удумала?

Игорь недоверчиво посмотрел на жену. Между ними все-

гда существовало полное взаимопонимание, и еще ни разу до этого она не отказывалась поддерживать его. Но вчера вечером Ярослава отмалчивалась и не присоединилась к бурному обсуждению виновного.

– Просто я думаю, что Кирилл очень одинок, а если вспомнить его печальную историю, то...

– А у кого тут нет печальной истории? – ядовито процедил водяной. – Мы все же в мире мертвецов, куда ни глянь – у каждого будет слезливая сказка про любовь, ненависть да месть.

Игорь отряхнул руки и присел рядом, любуясь, как проворно мелькали цветы в руках жены. Схватив охапку свежих трав, он тоже принялся на скорую руку плести венки, которые смогут придать сил его слугам.

– Я помню, спасибо, – недовольно проговорила Ярослава. – Просто мне понятно, почему Кирилл повел себя именно так: жажда признания и понимания. У нас с тобой были мы, Баба-Яга пришла сюда вслед за Кощеем, но сколько тут существует неприкаянных душ? Одиночество – разрушительное чувство, и каждый хотел бы от него избавиться, так что я не стану осуждать Кирилла за это. Однако ты прав: его желания привели к страшной катастрофе, и неизвестно, чем все это обернется для нас. Поэтому я приказала вести ежедневный учет наших подопечных.

Игорь благодарно кивнул: он сам размышлял о подобном, но забыл, усиливая защитные чары пруда.

– Странно, конечно, что Змей привел сюда живую душу, заранее не рассказав ей ничего про Навь и свой облик, – продолжила русалка.

– Она бы его отвергла, – Игорь швырнул свой венок к уже готовым. – Как много найдется людей, способных легко принять то, что любимый – ужасное и проклятое чудище?

Между ними повисло горькое молчание, наполненное воспоминаниями. Бросив украдкой взгляд на Игоря, Ярослава осторожно протянула руку, переплетая их пальцы.

Благодаря чарам Пряхи судеб Игорь получил лик настоящего водяного: наполовину рыба, наполовину человек. Роста он был исполинского, хвост покрывала крепкая чешуя, а на кончиках плавников сверкали острые шипы. Некогда ясные голубые глаза заволокло мутной пеленой, на шее прорезались тонкие полоски жабр. Звание царя водяных обязывало Игоря следить за каждым водоемом в Нави и Яви и принимать под свое покровительство души, которые почили в воде. Целая свора русалок и утопленников окружала терем, стоящий на дне Зеркального пруда, и всегда была готова исполнить волю Игоря.

Однако каждый раз глядя на колдовской лик мужа, Ярослава невольно вздрагивала, вспоминая прошлое и страшные дни на дне озера, где ее утопили. Поэтому Игорь предпочитал скрывать новое лицо от любимой, за что она ему была благодарна.

– Интересно, отправят ли Лихо за Кириллом? – продол-

жила разговор Ярослава, уперев подбородок в согнутые колени.

От упоминания Лиха водяной нахмурился. Никто из обитателей Сумрачного леса не жаловал одноглазую великаншу – воплощение злого рока.

Согласно давнему преданию, каждый человек после смерти попадал на высший духовный суд, на котором решалась его судьба. За благодетельную жизнь душа могла отправиться в Правь – край гармонии и света. В Навь ссылали за грехи, преступления или проклятия. Морана старалась заботиться о каждом, кто обитал под ее покровительством, и, если было возможно, помогала раскаявшейся душе возродиться вновь. Последнее случалось крайне редко, посему под хмурым небом существовало великое множество упырей, оборотней, призраков, русалок и колдунов. Но если им всем разрешалось спокойно ютиться в Сумрачном лесу и даже иногда выбираться в Явь, то хуже всего приходилось тем, кого после суда у великого дуба утаскивала Лихо.

Ее истинную историю знала только Морана. Поговаривали, что раньше Лихо была красивейшей девушкой, которую изуродовали из-за зависти. Влекомая жаждой мести, она обратилась в чудовище и разобралась с обидчиками. Другие же утверждали, что Лихо родилась с одним глазом и таким отворотительным лицом, что все в страхе от нее убегали. Поэтому одинокая и брошенная девушка обернулась воплощением рока и стала вечно скитаться по земле, стирая ноги в кровь

и забирая с собой в Навь самые мерзкие души. Ее мрачная и гнилая обитель располагалась южнее Зеркального пруда, и часто оттуда доносились ужасные, полные отчаяния стоны. Никто не знал, что происходило в низине на самом деле, но всякий раз, заслышав надрывный плач, каждый благодарил Пряху судеб за легкую участь.

– Почему ты думаешь, что Лихо должна прийти за Кириллом? – наконец разрушил тишину Игорь. – Он же наш главный страж и никто лучше его не сможет оберегать Калинов мост. Разве нет? Зачем же лишаться такого верного слуги?

Стараясь не обращать внимания на нескрываемое пренебрежение, Ярослава продолжила рассуждать:

– Думаешь, Морана с легкостью простит ему вмешательство в нити судеб? Вдруг погибшая девушка должна была совершить что-то важное, а теперь ее нет, и что тогда?

– Если бы она была важна для Кирилла, то Морана вмешалась бы сразу и не оставила бы от нашей змейки и живого места, – отмахнулся Игорь. Согласно закону Морана не видела ясно судьбы своих подопечных: только примерные очертания событий и ориентировочный срок, который был далек от истины.

Ярослава обомлела и удивленно посмотрела на него.

– Как можно так легко и просто рассуждать об этом?

– А что? Элементарно: если бы девушка была значима для Кирилла, он бы позаботился о ней. Лучше следил и предупредил обо всех нюансах, однако этого не произошло, и он

подверг всех нас опасности. Из-за его самодурства пострадали жители леса, и я уж молчу о том, что через пару дней в Яви начнутся беспорядки и станут появляться первые признаки чахотки, которая приползет отсюда. Так что, уж лучше бы эта девка его сразу отвергла.

– Как ты можешь быть таким бессердечным! – воскликнула Ярослава. Она понимала, что истина в словах мужа присутствовала, но не могла так цинично рассуждать.

Игорь пожал плечами, заканчивая последний венок.

– Я давно смирился со своей судьбой. А кто-то не желает принимать истины, из-за чего вынуждены страдать все остальные. Чем все это закончится – не знает, видимо, даже наша владычица. Но я буду начеку и не упущу возможности избавиться от напыщенного и зазнавшегося мальчишки, – он резко повернул голову влево, прищуриваясь. – Долго жить будет. Сам пожаловал.

Царь водяных указал на густые заросли можжевельника, откуда доносился бойкий голос Рогнеды. Перечисляя преимущества здорового питания, оборотень вышла с той стороны леса, ведя за собой задумчивого Кирилла, облаченного во все черное. Заметив русалку и водяного, друзья остановились, сетуя, что все же не смогли избежать нежеланной встречи.

– Годы идут, а громкоголосая Рогнеда все не меняется, – проворчал Игорь, вставая с берега и помогая жене подняться. – Когда научишься тише быть?

– Здесь мне нечего бояться, – огрызнулась волчица, скрепив руки на груди. – Кого хочешь загрызу и хребет вырву, глазом не моргну. Да и потом, рядом со мной большой и огнедышащий дракон. Кто рискнет напасть, а?

Кирилл осуждающе взглянул на нее и покачал головой – меньше всего ему сейчас нужны были провокации. Рогнеда виновато прикусила губу – зря спровоцировала и без того озлобленного Игоря.

– Ты чего такая воинственная? – усмехнулась Ярослава, подходя поближе. – Случилось что? Тебя кто-то обидел? Быть может, нам стоит разобраться?

Ее косые взгляды не остались незамеченными Кириллом, который тут же выпрямился и оскалился. Он знал, что царь вод его терпеть не мог, полагая, что ничего выдающегося в Кирилле нет. За прошедшие десять лет Игорь ни разу не упустил шанса оскорбить Змея за его расточительность и ветренность. Зависть захлестывала водяного, выворачивая жестокость и озлобленность, которыми был наполнен Игорь еще при жизни. Не зря шептались призраки в тени, что Навь раскрывала все потаенное в душах, демонстрируя их истинную сущность.

– Оставьте эти намеки, – отрезал Кирилл, переводя взгляд на Игоря. – Я сожалею, что мои действия принесли вам неудобства. Смородинка восстановится сегодня ночью – обещаю. С остальным я тоже разберусь и сделаю все возможное, чтобы ни вы, ни ваши подопечные не пострадали еще боль-

ше.

– Надеюсь, – холодно ответил царь водяных, с презрением смотря на него. – Но что ты скажешь об остальных? О мелких духах-защитниках дорог, полей? О полуночицах и полуденницах, что тоже обитают здесь? Они первыми страдают из-за разрушенной завесы – просто исчезнут, представляешь? А это ведь души, которые могли когда-нибудь переродиться вновь. Задумывался ли ты об этом, когда вел сюда живую, словно на убой?

Желваки заиграли на щеках Кирилла, пока Игорь насмеялся, глядя ему прямо в глаза.

– Игорь, думаю, Кирилл осознает все ошибки, – елеинно произнесла Ярослава. – Не стоит так давить на него, ведь нет на свете идеальных людей.

Рогнеда едва слышно фыркнула, отворачиваясь и убирая руки в карманы плаща. Она понимала, что идти этой дорогой было рискованно, но иного выбора не было. По пути сюда им уже встретились недовольные красноглазые упыри, жалующиеся на разруху. Одна из полуночиц и вовсе норовила броситься на Кирилла с когтями, желая разорвать ему лицо, ведь только из-за него одного уже погибла одна из ее сестер. И это было только начало.

– Однако если наш великий страж не сможет решить созданную им же проблему, то нас всех ждет исчезновение. Боюсь, такая перспектива не всем по нраву, – надменно предостерег Игорь.

Он вплотную подошел к Змею, тот не повел и бровью, спокойно выслушивая угрозы. Кирилл знал, что многие обитатели Нави не любят его и считают, будто звание стража он получил совершенно незаслуженно, однако до сих пор высказать это вслух никто не решался. Зато теперь каждый мог оскорблять его и винить во всех бедах.

– Полагаю, это лишь дружеская забота и обеспокоенность, а не угроза. – Змей улыбнулся, но взгляд был полон льда.

– Конечно. Мы ведь никогда не должны отворачиваться друг от друга. – Игорь демонстративно протянул ладонь. – В конце концов, я всегда рядом и готов помочь стражу в защите наших темных и бурных вод. Стоит только попросить.

Кирилл натянуто улыбнулся и стиснул руку Игоря. Он ожидал подобного приема, ведь Игорь изначально славился в Нави безумным и горячим нравом. Давняя обида клокотала в нем и толкала на подобные речи: он всегда полагал, что ему, заклинателю всех вод, должны подчиняться и река Смородинка, и тайное озеро в гроте сокровищницы Кощея, однако Морана решила иначе. Она назначила на пост главного стража проклятого и сумасбродного парнишку, который все время только и спал, а значит, и толку от него было ничтожно мало.

– Раз уж речь зашла о просьбах, – подала голос Рогнеда, нагло улыбаясь, – позаботьтесь о своих подопечных получше, а то ведь и вам может достаться за пренебрежение обязанностями. Венков явно побольше надо.

Хоть ей и не хотелось ссориться с Ярославой и Игорем, которые были самыми ближайшими соседями, терпеть нападки и угрозы водяного становилось тяжело. Как бы ни был виноват Кирилл, набрасываться на него с претензиями сейчас, все равно что забивать камнями лежащего. А несправедливости Рогнеда не переносила.

– Конечно, венков будет больше, – усмехнулась Ярослава, беря мужа под локоть. – В ответ хочу попросить: если будете у Бабы-Яги, то попросите у нее для нас ларец с живой и мертвой водой. А теперь нам пора возвращаться домой, месяц мой ясный.

– Да, верно. – Игорь расцепил крепкую хватку Кирилла и нарочито вытер руку об штаны. – До встречи.

И, подхватив венки, русалка с водяным исчезли в глубине безмятежных вод пруда.

– Пойдем отсюда, – произнес Кирилл, поворачивая к темной тропинке, пролегающей через все Болотистые земли.

Рогнеда, боясь отстать, бросилась следом. Ей захотелось извиниться за столь нелестную встречу, но озлобленное выражение лица Кирилла пресекало любые порывы начать разговор. Понимая, что друг в бешенстве и лучше его не трогать, Рогнеда шла рядом, пиная мелкие камешки под ногами.

Смурая земля впереди сменялась топкими болотами, между которыми извечно мелькала морошка. Повсюду торчали кривые ветви сухостоя, противно скрипевшего над головой. Меж пней и поросших лишайником деревьев тянулся

колдовской зеленоватый туман, от которого веяло страхом и тревогой.

– Как здесь можно жить вообще? – Рогнеда обхватила себя руками в попытке согреться. – Мрачно, жутко.

– В этом весь смысл, – заметил Кирилл. – Никто не станет сюда соваться без особой причины, поэтому это самое лучшее место, чтобы прятаться и жить в одиночестве.

Он бы и сам был не против поселиться в Болотистых землях, но клятва обязывала находиться подле сокровищницы.

– Могу понять, почему здесь обитает Дубровец, но ведь Баба-Яга живая. Ну относительно, – торопливо добавила Рогнеда, заставляя Змея усмехнуться.

– Варвара ушла на болота незадолго до твоего появления здесь и с тех пор больше не выходила за пределы Болотистых земель. Можешь считать это добровольным отшельничеством.

Кирилл видел в своих снах все события, которые происходили в Нави, а потому прекрасно был осведомлен о переменах и значимых событиях в жизни каждого из обитателей царства мертвых.

– А как считаешь ты? – продолжила оборотень, пиная очередной камень. Тот пролетел пару метров и упал в болото, что тут же словно зарычало на всю округу.

Кирилл задумался на миг.

– Иметь возможность быть рядом с тем, кто любит тебя и кто дорог тебе, но отворачиваться от этого в угоду собствен-

ной гордости? Пожалуй, буду считать это полнейшей глупостью и трусостью.

Рогнеда перевела на него удивленный взгляд и хотела задать вопрос, но Змей приложил палец к губам.

– Сплетничать на пороге негласной царицы Нави – дурной тон, – прошептал он, и, глядя на черных воронов, заторопился: – Идем, и так много времени потратили впустую.

Баба-Яга

Калып-Алға

*«Давно на свете девица жила, за любовью на
смерть пошла. Оценил чернокожижник сей нрав, и
порешил он так: “Сердце мое в груди своей вечно
храни и за Навью со мною вместе следи”».*

Рассказ Елены Прекрасной о Варваре

Точные времена забыты, Явь

Жил на свете купец, и было у него две дочери, одна другой краше. Старшая с кожей снега белее и косою чернее самой темной ночи. Умна и молчалива была Варвара, Премудрой ее в семье величали. Письмена она читала, трав силу разбира- рала, рисунки диковинные понимала. Очи черные от текстов до ночи поздней часто не отнимала: мудрости тайные понять желала. Сетовали няньки, унять все нрав пытались да к делам женским приучить. Одначе не слушала их Варвара и на своем твердо стояла.

Младшую же дочку Еленой Прекрасной прозвали. Стан тонкий и высокий всегда шелковые сарафаны скрывали, а в светлых косах жемчуга да яхонты сверкали. Мила и весела была Елена, не знала она словно печали и всем радушно улы- балась. Танцы и рукоделие, песни да стихи – вот ее предна- значение. Любила вся округа красавицу, коя слова ласкового ни для кого не жалела.

Был в семье лад и покой: тятеньку доченьки слушались, делами и домом занимались. Купец нарадоваться не мог,

глядя на голубушек своих. Об одном лишь жалел – женушки милой нет подле них. Унесла ее болезнь лихая и оставила купца вдовцом. Хорошим он человеком был, с хозяйством домашним и торговлей богатой. Жена бы новая ему во всем пригодилась, да только не находилось такой. Посему порешил он, что один с дочерьми останется, а как выдаст их замуж, так отыщет себе преемника-мальчишку, чтоб дело купеческое не пропадало. Так и жили они втроем в хоромах расписных, гостей изредка встречали и слугам наставления давали.

Долго ль, коротко ль, но пришел срок купцу на торги отправляться: ткани с зерном выгодно продать. Попросила Варвара отца с собой ее взять, чтобы на мир большой наконец поглядеть. Из окон светлицы хоть и видна была вся округа, да токмо не радовала она глаз однообразием своим. Оттого и скука страшная порой сестер одолевала, о градах шумных и странах далеких грезить заставляла.

Услышав просьбу, согласился купец, поразмыслив недолго: не мог он дочерям отказывать, потому как любил шибко. Обрадовалась Варвара и тут же с сестрой вестью поделилась, а та мигом собираться стала. Однако запретил ей отец с ними отправляться: молвил, что нянькам за двумя девицами в землях чужих приглядывать сложно.

– Ты, Лена, за домом следить будешь, возвращения нашего ждать и по хозяйству, коль надо, помогать, – проговорил купец. – Токмо помни, что беречься должна, худого не мыс-

ли, молитвы почаще за нас читай. Мы воротимся скоро – соскучиться даже не успеешь. А ежели заскучаешь, так рукописи Варвары почитай. В них, молвят, смысла много, авось чего интересного узнаешь. Коль и это не обрадует тебя, тогда уж к рукоделию вернись: вышивка твоя – загляденье.

Наставлял отец дитяtko еще долго, а та, хоть и внимала, но лукавую улыбку не скрывала. Поехать-то Елена, конечно, хотела, на мир большой поглядеть, да только отказу не сильно расстроилась, ибо был у нее молодец любимый и ненаглядный. Частенько ночами темными являлся к ней в комнату Финист – Ясный Сокол, оборотень колдовской и богатырь прославленный. О тайне этой только Варвара и знала, от отца же истина скрывалась: боялась Елена, что не поймет ее тятенька и ругаться станет, а там уж и не видать ей счастья с милым другом.

Заметила меж тем Варвара, как сестрица украдкой ухмылялась, свидания с Финистом предвкушая, и огорчилась знатно. Стоило только отцу горницу покинуть, как схватила она Прекрасную за плечо и прошептала:

– Еще из дома не двинулась тройка, а ты уж самый красивый венец доставать побежала. Так и гляди, с минуты на минуту свадебку сыграешь. Но без отцовского согласия не видать тебе ни пира, ни счастья с Финистом. Помни об этом, Лена, и глупостей не смей воротить. Прошу тебя: хотя бы нынче по ночам с ним не милуйся – прикрывать ведь вас некому будет.

– Завидуешь ты мне, Варвара, – вырвалась Елена и недобро взглянула. – Знала же я, знала, что про перышко и Финиста моего рассказывать тебе не надо. Не простишь ты мне счастья, не сможешь порадоваться за сестрицу меньшую, куда сама в девках сидишь и не ведаешь любви.

Настал черед Варвары злиться. Тайну сестры она под сердцем хранила и радовалась за любовь ее чистую, светлую к юноше прекрасному. Желала Варвара им терем просторный с хозяйством богатым да процветания на годы вперед. Тятеньке и словом не обмолвилась о том, как Елена по воле судьбы перышко соколиное нашла и на груди теперь носила; как хозяин сего пера ночью в горницу к девице прилетал и богатырем могучим обращался; как на прогулки с Финистом при свете луны сестрица украдкой ходила.

– Напрасно ты наговариваешь, меня словом злым обижаешь, – подошла Варвара к сестре, но та руки отдернула и отвернулась, слушать не желая. – Ради счастья твоего я в девках остаться готова. А коль хочешь, так и вовсе исчезну из дома. За первого встречного замуж пойду, ежели это твою свадебку ускорит. Токмо переживаю я, что торопишься ты шибко. Посему-то и предупреждаю, честь твою сберечь желаю, а ты лик от меня воротишь. Не стыдно?

Смолчала Елена, не взглянула на Варвару ни разу и вышла прочь, обиду затаив. Хоть и складно молвила сестрица о заботе, переживаниями прикрываясь, да только не верила ей Прекрасная. Казалось ей, что обманывает ее Премудрая,

голову дурит и завистью исходит, ведь у старшей не было жениха.

Ссорились сестры редко, во всем старались прислушиваться друг к другу, однако на сей раз ни слова не проронили вплоть до часа расставания. В одиночестве собиралась Варвара, прогнала всех няnek и служанок, не желая ворчания и наставления слушать. Об одном только пеклась: как бы не наворотила Елена бед и честь свою не измарала. Осталось только на Финиста надеяться – ему о возлюбленной заботиться должно.

Елена же встреч с сестрой избегала и смотреть даже в ее сторону не желала. Обида уж отпустила ее, и в глубине души она понимала, что напрасно тогда всплыла, иначе первая мириться не думала, считая, что Варвара извиниться сначала должна. Так и пришлось сестрицам молчаливо перед дальней дорогой прощаться.

Отец про перебранку их знал, но виду не подавал. Полагал он, что незачем было напутствия давать – разберутся девоньки сами. Однако всю дорогу до града пытался он на разговоры Варвару вывести, развеселить ее немножко, да только не желала дочь речей молвить, кивала невпопад и пуще хмурилась. Понял тогда купец, что голова ее мыслями да переживаниями занята, и трогать боле не стал – в тишине оставшийся путь проделали.

На торги шумные прибыли вскоре. Обустроившись в палатах деревянных на жилье временное, стали тут же слу-

ги под надзором купца товаром людей зазывать и стараться всем их удивлять. Пока отец дела воротил, решила Варвара прогуляться меж шатров расписных, да на представления мельком глянуть. Потешались и резвились скоморохи, танцы плясали и на гусях бренчали, а под ногами путались козы да куры, коих на продажу привезли. Носилась всюду детвора, сладости в кулаках зажимая, молодцы пригожие отцам и матерям помогать во всем старались.

Верная нянюшка за Варварой всюду покорно семеняла да на товары заморские указывала, завлечь пыталась. Ткани расписные, платки богатые, шубы тяжелые, украшения сверкающие, пряники вкусные, пироги ароматные – ничто сердце девичье не трогало. Томилась Варвара ссорой с сестрицей, себя корила за грубость и холодность. С презрением на округу глядела и думала, как бы радовалась сейчас здесь Елена, засматриваясь на привезенные богатства и смеясь над представлениями.

– Посмотри, какие гребни, а кокошники настоящей боярыни достойны, – под локоть крепко схватив, подвела нянюшка девицу к столу.

Разглядывала старушка диковинные украшения, в руках крутила, любовалась браслетами, венцами сложными да камнями дорогими.

Мимолетно на товары взглянув и губы поджав, хотела уж Варвара отойти, как вдруг замерла, точно судьба остановила. На нее, не отрываясь, глядел мастер украшений. Уголь-

ные волосы обрамляли молодое лицо мужчины с темными глазами – невольно залюбовалась девица, глядя на высокого удалца. Усмехнулся ей молодец, румянец подметив, и отвел взор лукавый. Смекнул он сразу, что красотой девицы сам пленен оказался, токмо пред старухой-нянькой не стал слов ладных говорить и вовсе отвернулся, точно общаться с ними не желая. Не выдержала тогда Премудрая и схватила первые попавшиеся бусы, вопрошая:

– Сколько?

На голос резкий обернулся молодец и выдержал пронзительный взор, коим его Варвара одарила. Молчали оба, ни слова не обронили, все взглядом друг другу тотчас рассказали. Одна лишь нянька брошенной казалась – не узрела, как чувства нежные зарождаются. Наклонился поближе молодец и ответил наконец:

– Эти не для тебя, а для селянки простой. Тебя другое достойно.

Протянул молодец Варваре ожерелье дивное с крупным рубином, что на солнце ярко сиял. Ахнула нянька, отнекиваться начала от драгоценности такой, на кошель худой сказывалась, однако молодец слушать ее не стал.

– Считай, красавица, что это дар свыше, – молвил он, в глаза девице прямо глядя.

Послевкусием манящим слова его меж ними повисли, и хотела уж Варвара ответ дать, как вдруг другие люди к столу подошли, занимая молодца. Нянька тут же засуетилась и

скрыться поспешила, пока ничего худого не приключилось. Обернулась тогда Варвара украдкой и, прижимая к груди ожерелье, прошептала, взгляд молодца поймав:

– Спасибо, – и крепче дар стиснула.

Сердце ее запылало – влюбилась она знатно, самой себе не веря. Ни за что бы не подумала Премудрая, что счастье свое так легко заполучит, парой слов всего лишь обмолвившись. Поняла тогда Варвара, отчего такой радостной Елена ходила и улыбки не скрывала – душа будто пела.

Седмицу еще торги гремели, и всякий раз Варвара мимо молодца прогуливалась. Заговорить боле не получалось – нянька точно тень пристала, посему приходилось лишь взглядами обмениваться. В последний день не стерпела Варвара и украдкой передала возлюбленному послание, умоляя найти ее однажды и свидеться в родных землях. Кивнул ей на прощание молодец и пообещал себе отыскать девицу, коя в душе поселилась крепко.

По возвращении хотела Варвара поделиться с Еленой счастьем своим, но не забыла Прекрасная ссоры их. Замыслила гордой казаться, обиженную строила. Подумала-подумала Варвара и, вины своей не узрев, мириться не стала: решила, что время все по местам меж ними расставит. О возлюбленном никому рассказывать не желала: то ли осуждения боялась, то ли потехи злой. Подарок его возле сердца хранила, по ночам вынимала, на подушку клала да слова милые шептала.

Месяц спустя, темной ночью, услышала Варвара тихий говор, словно над ней навис кто:

– Поутру кот на пороге дома разляжется, за угощение следом поманит, в лес шустро отведет, а там уж свидимся с тобою вновь.

Испугалась Варвара, колдовство заподозрила, однако ж голос признала – возлюбленный ее чрез ожерелье речь молвил. Оставшуюся ночь очей сомкнуть так и не смогла. Все мучилась, маялась, рассудить пыталась: зло аль добро судьба готовит. Однако довериться все же решила – не хотела так просто счастье свое отпускать.

Спозаранку вышла Варвара на улицу и ахнула: сбылись слова ночные – кот черный на крыльце лежал, изумрудными глазами сверкал. Тут же блюдце с молоком девица принесла да поглаживать шерстку густую стала. Откушал хвостатый и мигом в лес, что за теремом лежал, умчался. Премудрая за ним бегом кинулась, чрез кочки и ветви, ручьи и опушки неслась, покуда за ручку молодец крепко не схватил. Объятия жаркие расцепить не в силах были, поцелуями друг друга щедро задаривали и речи сладкие молвили. Понимали друг друга с полуслова, души насквозь видели и налюбоваться все не могли.

Так и повелось – то ворон прилетал, то кот прибегал, – и Варвара в лесную тишину стремглав неслась к Владимиру, так возлюбленного звали. О свадьбе молодые не думали: прознала Премудрая, что непрост молодец и жизнь его не

только товары, но и дела колдовские. Приняла его ремесло темное и мрачное, а позже и сама спрашивать начала да мудрости от чернокнижника набираться стала.

Шли седмицы плавно, и все ладно было бы, если бы не заметила Елена перемен в сестре: глаза у той счастьем уж больно светились. Не вытерпела, не удержалась и украдкой пробралась Прекрасная в лес за Варварой. Как же удивилась, как испугалась она при виде того, с кем Премудрая беседы вела. Не юноша, не богатырь стоял подле Варвары, а колдун в рясе – бледный, высоченный, костлявый, точно прозрачный. А как взгляд очей его поймала, так от испуга закричала: дыры одни взирали на мир, да сверкали в них языки пламени буйного. Подхватив подол сарафана, унеслась Елена прочь, покуда Варвара и Владимир наскоро прощались.

Поймав Лену у порога, принялась Премудрая умолять:

– Прошу тебя, милая сестрица, тайну сердца сохрани, не говори ты тятеньке ничего. Я про Финиста секрет твой берегу. Сослужи и ты мне службу.

Совестно стало Елене, права была Варвара, но душа все ныла – как можно слепо верить воплощению зла? Не ведала ведь Прекрасная, что в тот день впервые Владимир лик свой колдовской показал. Сомнения душили Елену, посоветоваться с Финистом – Ясным соколом желала, но не отвечал тот на зов ее, не прилетал – делами да подвигами занят был.

Муки сердца верх взяли, и решила Елена против сестры на сей раз пойти. Тогда-то рассказала Прекрасная тя-

теньке, что ходит Варвара на встречи тайные в лес с молодым страшным, колдуном опасным, чернокнижником настоящим. Испугался отец, за имя доброе переживать начал и тотчас решил, что засиделась Премудрая в девках, оттого и беды все. Жених сыскался тут же: не красавец, не умен, не силен, а стар и вреден. Как услышала Варвара, так умолять об одном стала: чтобы только на Владимира отец взглянул и счастливой быть позволил. Но купец уж все решил. Премудрая горько рыдала, пыталась она с возлюбленным свидеться, так ее под замок посадили и ожерелье, силой отняв, припрятали.

В ночь пред свадьбой, о коей в два вечера сказались, ворон в горницу к Варваре влетел и обратился чернокнижником бледным. Никогда не казался Владимир ей страшным, не боялась она облика тайного – принимала его всей душой. Присев подле Премудрой, крепко обнял ее Владимир и ланиты чуть румяные поцеловал. От судьбы своей не желал бежать, а потому решил действовать метко.

– Любишь ли ты меня? – заглянул Владимир в очи любимой, за подбородок нежно держа.

– Люблю, больше жизни люблю, – шептала Варвара.

– Пойдешь за мной, куда велю?

– Пойду, месяц ясный, только с тобой быть хочу. Помоги, от брака нежеланного спаси, отсюда уведи.

Выпрямился во весь свой рост исполинский Владимир, вынул из кармана рясы черной кинжал серебряный и Варва-

ре протянул.

– Слушай внимательно: как сердце жениху пронзишь, так ладонь себе порежь. Сожми ожерелье мое и прокричи во все горло: «Забери-забери, одну не оставляй, силой захвати, от жизни освободи. Клятву даю, себя отдаю». Тогда я и приду, да токмо не струсь, иначе не быть нам вместе, – молвил и исчез. Только поцелуй жаркий на устах гореть оставил.

Испугалась Варвара, но дороги назад не было. Она давно догадывалась, что жизни мирской и тихой им с Владимиром ни за что не видать. Знала, что чернокнижника и колдуна полюбила, коего за одни только рясы мрачные, волосы длинные и ладони кровавые без внимания не оставят и покоя не дадут – отовсюду прогонять будут. Однако не думала, что на такие жертвы идти придется. Силясь тревогам о грядущем не внимать, вспомнила Варвара, как накануне Владимир ей имя свое колдовское открыл – Кощей. Прозвали его так из-за хитрости невероятной, кою он всегда под рясой надежно скрывал, да за то, что костям чернокнижника давно пора пришла в прах обратиться, ведь столетие уж по миру скитался он.

Взглянула девица на луну, что в горницу лукаво глядела, и поняла, что не отступится от решения своего и исполнит завет страшный. Одно лишь плану мешало: ожерелье заветное припрятали, а из горницы так просто не выбраться. Заплакала тогда Варвара, дверь отпереть пыталась, чрез окошко маленькое пролезть – без толку все, заточена была точно в клетку. Отчаяние в сердце проникло и без сна девицу оста-

вило.

Поутру служанки в наряд богатый облачили Варвару, кокошник жемчужный нацепили и в путь счастливый благословили. Токмо не замечала ничего невеста, кинжал крепче сжимала в складках душегреи расписной да на Елену смотрела, глаз не сводя. Та места себе не находила и момент уединения чудом с сестрой уловила.

– Прости меня, глупую, – прошептала Прекрасная и вдруг выудила из рукава подарок. – Я одна во всем виновата. Однако смею надеяться, что это осчастливит тебя, – и, воспользовавшись ее растерянностью, надела Лена ожерелье Владимира на сестру да под наряд надежно спрятала.

Варвара, хоть и рада была дару такому, только лишь сухо кивнула – не простила она Прекрасную. Увидев лик сестры суровый, тотчас захотела на колени броситься Елена, слезами умываясь, но в горницу вошел отец, приказывая прощаться и в дорогу близкую собираться.

Подвели невесту к жениху: тот взгляд не спускал, фигуру точеную одобрял, поясок развязать желал. Ничего Варвара не замечала, с духом собиралась. Стоило только слову первому с уст сорваться, как лезвие острое мигом сверкнуло, и замерло сердце жениха. Тотчас крик и страх в воздухе повисли. Глазели все на душегубицу, зашептали молитвы вместе с проклятиями. А Премудрая ждать боле не стала: сорвала ожерелье с шеи, ладонь рассекла и призвала колдуна.

Ветер сильный поднялся, вой жуткий раздался, окна

хлопнули, – и в тот же миг ворвался в горницу Кощей. Вырвал он мертвое сердце жениха, раскусил пополам и им же Варвару угостил. Приняла она дар мерзкий, руку черно-книжнику сжала и исчезла вместе с ним.

Забрал Владимир Премудрую в холодную Навь, что домом ему назваться теперь могла. Предсказано ему было пост негласного царя мира мертвых занять да суд по воле Мораны исполнять. Да токмо указ был один: в Навь Владимир попадет, когда суженую найдет. И как только Кощей Варвару повстречал, так сразу понял, что судьба его нашла.

Пугалась сначала Варвара нового края, но свыклась и жизнь необычную стойко приняла, благо любимый всегда рядом был. Вскоре и свадьбу они сыграли на колдовской манер: обменялись сердцами друг друга, заточая в груди чужую жизнь. То мера была необходимая: Варвара здоровьем отменным не слыла, а в Нави и вовсе чахнуть могла начать скоро, посему заточил ее слабое сердце у себя в крепкой груди Владимир, не позволяя погибнуть любимой.

Морана сей союз лично благословила и нарекла их царями да исполнителями воли своей. Изю дня в день Кощей наблюдал за всей паутиной чар, наложенных на Сумрачный лес, и вершил суд над каждой провинившейся душой. Варвара же ему во всем помогала: выучила она силу заклинаний, разобрала вместе с мужем старинные трактаты о темной магии и годы спустя стала сильнейшей ведьмой. Вся округа боялась царя и царицу, правление которых хоть и было строгим, од-

наче справедливым.

Спустя время благодаря воле чуда родилась у них единственная дочь – Марья Моревна. Унаследовала она от отца с матерью тягу к знаниям да колдовству, нравом и умом в обоих пошла.

Любопытной Марья слыла, оттого и накликала беду на семью. Не уберегли ее ни Кощей, ни Варвара от магии злой и позволили проклятию золота меж ними поселиться. По воле рока злого отвернулся Владимир от жены, позабыл он ее точно и свирепым сделался, не замечая, сколько страданий душам да близким причинял. Марья же жестокой стала и мать постоянно обижала.

Печаль и злоба поселились в Темном тереме, развращая души и покрывая сердца гнилью. Не выдержала того Варвара и бежала прочь, спрятавшись в Болотистых землях. И в тот же миг сердце Кощей в груди заныло, нутро будто цепью сковывало, а ожерелье рубиновое, что не снимая носила Варвара, душить стало. Поняла она тотчас, что отвернулся от нее Владимир, и чары его убивать стали.

Взмолилась Варвара Сумрачному лесу, о защите для себя упрасывая. Дубровец за сокрытие и покровительство цену высокую попросил – молодость ее себе забрал и обратил в новую наместницу Болотистых земель. Так и стала Варвара старухой Бабой-Ягой, а чтоб больше не сбегала, отнял у нее леший ногу и заменил костяной. С той поры и сидела колдунья в избушке на границе миров, по дочери скучала и мужа

поминала, себя ругала и слезы горькие роняла.

Болотистые земли, Навь

Рогнеда и Кирилл вышли наконец на узкую тропу, что вела к центру Болотистых земель – небольшой поляне, утопающей в мареве и окруженной могучими деревьями-стражами. Поросшая высокой травой, дорога постоянно петляла, то и дело норвя завести в топь. Повсюду, утопая в мхе и мутной воде, стояли могучие деревья. На их корявых ветвях меж одиноких листьев сидела стая воронов, не спуская глаз с друзей.

– Соглядатаи повсюду, – прошептала Серая, кивая на верных спутников Хозяйки Зимы.

– Заметил уже, – недовольно ответил Змей, шагая вперед.

Под ногами хлюпала грязь, заполонившая траву, в воздухе висел густой запах перегноя и тины. Вершины деревьев закрывали серое небо, создавая полумрак.

– Много знаешь про Бабу-Ягу? – поинтересовалась Рогне-

да, осторожно ступая по хлюпкой земле. Меньше всего хотелось угодить ногой в трясину.

– А ты что, сплетни собираешь? – хмыкнул Кирилл. – Прости, неудачно пошутил. Что же до твоего вопроса – Варвара крайне нелюдима и своенравна, поэтому навряд ли ее хоть кто-нибудь хорошо знает. Кроме ее семьи, конечно. Она ушла на болота, потому что не выдержала проклятия, которое разрушило их союз с Кощеем. Прошло много лет, чары давно спали, но Варвара так и не вернулась в Темный терем.

– Почему? – спросила Рогнеда. Впереди мелькали кочки и вывернутые корни деревьев.

– Не знаю, правда, – признался Змей. – У каждого из нас свои причуды.

Миновав поваленную иву, друзья вышли на ровный участок, усыпанный поганками и мухоморами. Внезапно Рогнеда остановилась и удивленно посмотрела на друга.

– Меня только что осенило: ты сейчас впервые в жизни идешь на встречу с Варварой Премудрой, хотя и пробыл в заточении гор Отшельниц, где стоит Темный терем. Ты ведь обитал прямо у них под носом, но никогда-никогда не видел их, – изумилась она.

Кирилл мягко улыбнулся.

– Я, может, и спал все это время, но ведал о жизни каждого здешнего обитателя. Так что можно сказать, что и был свидетелем всех событий. – Змей пошел вперед, брезгливо поглядывая на пузыри, исходящие из топи. – Неужели ты ни-

когда не задумывалась, почему я вдруг с тобой так легко и просто стал общаться?

Рогнеда схватила его за локоть.

– То есть ты фактически подглядывал за нами, а при личной встрече просто пользуешься сведениями? – недовольно спросила Серая.

Взглянув на ее поджатые губы и нахмуренные брови, Кирилл попытался объяснить:

– Все не так, как ты себе представляешь. Я просто знал, что примерно триста лет тому назад ты появилась в Сумрачном лесу и стала жить отдельно от стаи прочих волколаков. Но я никогда не подслушивал твои разговоры и не следил – просто не мог. Говорил ведь, что видел только значимые события – ничего более. Клянусь.

– А как же... – начала Рогнеда, но вдруг ее нога соскользнула, и волчица едва не провалилась в болото.

– Осторожнее! – моментально среагировал Кирилл, хватая ее руку и помогая встать на твердую землю. – Будь аккуратна, тут повсюду топь.

Рогнеда смущенно кивнула и пошла рядом со Змеем, стараясь не обращать внимания на его ладонь, удерживающую ее за локоть.

Тропа вилась через трясины к избе, поросшей со всех сторон вьюном. Предания твердили, что эта избушка стояла на «курных» ножках – двух крепких столбах, от дурманов которых у любого существа голова шла кругом от страха и мо-

рока. Русалки часто шептались, что туман, стелившийся по всей Нави, распространяется именно от этих столбов, глубоко спрятанных в земле. Было ли это правдой – Рогнеда не знала, но жилище Бабы-Яги действительно вселяло ужас и трепет.

Подойдя к частоколу, Кирилл замер, глядя на развешанные по ограде черепа. Заметив гостей, немые стражи одновременно повернулись к ним и громко затрещали челюстями, а в пустых глазницах вспыхнул зеленый огонь.

– Тихо вы! Чего кричите? – тут же раздался голос из дома, и на пороге появилась скрюченная старуха. – А вы что встали как истуканы? – спросила она прибывших друзей. – Приглашение особое нужно?

– Нет, госпожа.

Кирилл низко поклонился, вызывая усмешку у Бабы-Яги.

– Проходите. – Она махнула рукой и скрылась в избе.

Поглядывая с опаской на черепа, Рогнеда юркнула следом за Кириллом внутрь дома, с удивлением озираясь. Ей доводилось встречаться с Бабой-Ягой по небольшим поручениям русалок и леших, но никогда прежде она не была внутри жилища древней ведьмы.

С виду избушка казалась крохотной, но на самом деле состояла из нескольких просторных комнат и располагала даже баней. По брусчатым стенам висели вязанки трав, на полках и в шкафах ютились склянки с древними книгами со стертыми корешками. На длинном дубовом столе подле огарков

свечей лежали раскрытые свитки и сушеные цветы. Под потолком на деревянных перекладинах развешаны корзины с отвратительно пахнущими ингредиентами для зелий. В центре комнаты стоял огромный котел, внутри которого кипело варево. Рядом с ним, притопывая костяной ногой, хлопотала старуха в черном балахоне. Ее огромные темные глаза зорко сияли и внимательно разглядывали гостей.

– Зачем лес поджег, ирод? – с ходу набросилась Баба-Яга на Змея. – Говорила я, что не стоит тебе просыпаться! Знала же, что дел наворотишь! Весь лес отравил, завесу ослабил. Ты хоть представляешь, что из-за этого теперь случится?

Кирилл понуро склонил голову, выслушивая нападки. Он предполагал такой прием, но гнев Бабы-Яги только набирал обороты, заставляя ожидать наихудшего.

– Полуночницы уже разорались на весь лес, что одну из них в прах обратило, ибо она дорогу назад не отыскала. А виновата в этом завеса, которая исчезла в твоём огне. Нет больше ориентира для призраков и нечисти, а без него они все сгинут! – гневалась Варвара. – Но и это еще цветочки! Явь! Явь пострадает. Только представь, сколько в нее сейчас отравы попадет из нашего дохлого мира! Людей болезни коснутся, кошмары начнут мучить каждого, а чары будут ползти и ползти, потому как дыра между нашими царствами. Знаешь, чем все это грозит, а? – Она ткнула Кириллу в грудь кривым пальцем с длинным ногтем. – Миры ослабнут, люди начнут умирать как мухи, все нити судеб спутаются, и

тогда придут с нами разбираться из Прави. Потом поминай как звали!

Кирилл молчал, стиснув кулаки. Его проступку не было объяснений или прощения, и мысленно он готовился к казни или ссылке в низину Лиха.

– Вот скажи мне, зачем ты сюда Зою привел? – Варвара старалась успокоиться, но взгляд все еще бесновался. – Неужели ты не знаешь, что нет места живым среди мертвых? Только в редких случаях допускается некоторым колдунам проникать сюда, и то не через Калинов мост, который только смерть сулит, а через мою избушку. Или ты и это подзабыл?

Кирилл покачал головой. Он прекрасно помнил все заветы, которые ему зачитала Морана сотни лет тому назад.

По законам все те, кому дозволялось попасть в Навь, должны были пройти через избушку на «курьих» ножках. Следовало сначала человека вымыть в бане, чтобы отбить запах, а затем напоить и накормить едой из потустороннего мира, притупляя сердцебиение и уменьшая дыхание. Все эти обряды всегда исполняла Баба-Яга – верховная колдунья, которая отвечала за каждого, кто проходил через ее владения. Однако находиться в Нави можно было не более двенадцати часов – только в этом случае человек мог вернуться живым и здоровым.

Пребывание Змея рядом с Зоей уменьшило пагубное влияние, но после девушка возвращалась в пещеру самостоятельно, и шансов на спасение у нее не было с самого начала.

– Но он ведь не со зла, – попыталась защитить друга Рогнеда и тут же об этом пожалела. Варвара подскочила к ней и вцепилась в лацканы плаща, заставляя волчицу обомлеть.

– А ты рта не открывай, пока не спросили! Почти что четыреста лет ты живешь, Рогнеда. Скажи-ка мне: большой ли это срок? Достаточный, чтобы запомнить, где и с кем стоит молчать? Или у тебя тоже память отшибло?

Серая виновато уставилась в пол и проглотила подкрадывающиеся слезы.

– Чего же ты теперь язык проглотила? Тебе же болтать хотелось, так давай, пока позволяю, – Баба-Яга сильнее сжала плащ. – За четыре века можно столько сделать, выучить и поумнеть в конце концов! А что я вижу? Беспечную девицу, страдающую от обжорства и лишённую головы на плечах! Зачем полезла с клыками к человеку? Чего глаза вылупила? Все уже знают про ваши ночные приключения. Неужто думали, что от воронов сможете скрыться? Наивные какие! Тошно аж. – Она сплюнула на пол и отпустила волчицу. – Говори давай: зачем убила человека?

– Но я его не убивала! – возмутилась Рогнеда. – Он умер от остановки сердца! Я даже ни одного клыка не испачкала в крови.

Серая повела плечами, стараясь забыть, как еще ночью скрывала все следы на земле, укладывала остывающее тело в машину, создавая видимость аварии недалеко от леса.

– Он был браконьером, который бессердечно истреблял

животных. Моя обязанность – защищать их. Вините меня сколько угодно, вынесите любое наказание, но иначе я просто не могла, – отчеканила Рогнеда, выдерживая взгляд ведьмы.

От несправедливости в глазах щипало, но Серая не могла позволить себе рыдать. Кирилл, молча слушающий перепалку, подошел к волчице и замер рядом, словно поддерживая.

– Никто не умаляет твоих заслуг, – проговорила Варвара, скрещивая руки на груди. – Однако прежде ты была аккуратнее. Задумывалась ли о том, сколько всего ты оставила после себя? Этот твой... Как его...

– Виктор, – подсказал Кирилл, вспомнив рассказ подруги.

– Верно, он самый, – кивнула ведьма. – Виктор был человеком, а ты общалась с ним при помощи интернета. Теперь подумай, сколько всего указывает на отношения этого Вити с некой девушкой, которая очень похожа на тебя. Друзья, близкие, коллеги – все они начнут искать пропавшего паренька...

– Но я подстроила несчастный случай! – перебила ее Рогнеда и тут же прикусила язык, испуганно глядя на Бабу-Ягу.

– Молчать! – приказала Варвара. – Не убила – молодец, попыталась скрыть улики – похвально, не даром для тебя века минули. Но имя, Рогнеда! Как так вышло, что имя ему свое назвала?

Рогнеда прикрыла глаза, коря себя за беспечность. Главный закон Мораны предписывал ей: никогда не разглашать имени, ибо нет большей тайны.

– Непозволительная глупость, хоть и не смертельная, но думай в следующий раз, когда рот раскрываешь, иначе головы лишишься, – бросила угрозу колдунья.

– Простите, – промямлила Серая. От крика Бабы-Яги она перепугалась не на шутку и теперь в очередной раз кусала щеку, не позволяя себе рыдать. Кирилл сочувствующе поглаживал ее по спине.

Одарив их оценивающим взглядом, Варвара, прихрамывая, подошла к покрытому паром котлу. Схватив с полки черпак, она пригубила серое варево и кивнула в знак одобрения. Затем вдруг звонко просвистела, и на пороге избы появился тот самый черный кот-фамильяр, который водил Премудрую на свидания к Кощею. Он принес в зубах сморщенный серебристый корень, который оставил подле ног Варвары, и тут же исчез. Бросив траву в зелье, Баба-Яга указала Кириллу на полку со склянками, приказывая:

– Поди сюда и разливай.

Оставив Змея подле котла, ведьма приблизилась к шкафу, выживая мешочки с кореньями и травами. Выщипнув по горстке сушеных полыни и пижмы, Варвара принялась растирать их в порошок прямо на столе.

– Марья Моревна вместе с Баюном отправились разбираться с твоим Виктором. Они проконтролируют, чтобы никто из людей не узнал ничего лишнего, – проговорила Баба-Яга, поглядывая на раскисшую Рогнеду. – Хватит носом шмыгать и на жалость давить. Что сделано, то сделано. Про-

шлого уже не воротишь. Ставь рядом, – обратилась она к подошедшему Кириллу, указывая на стол. – Только не думай, что и на сей раз ты без дела останешься, Рогнеда. Как только Баюн с Марьей вернутся, то мигом тебе задачу придумаю, если Морана сама не решит с тобой разобраться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.